ГОДИЧНЫЙ АКТЪ

ИМПЕРАТОРСКАГО

ВАРШАВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА

30 Августа 1880 года.

ВАРШАВА.

Въ типографіи Ивана Носковскаго.

Мазовецкая улица № 11

1880.

ГОДИЧНЫЙ АКТЪ

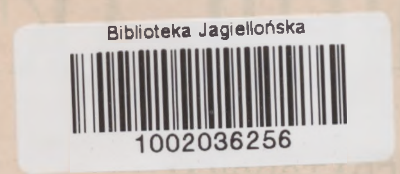
ИМПЕРАТОРСКАГО

ВАРШАВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА

30 Августа 1880 года.

ВАРШАВА.
Въ Типографіи Ивана Носковскаго.
Мазовецкая улица № 11.

1880.

Печатано по опредѣленію Совѣта Императорскаго Варшавскаго Университета.

Ректоръ Н. Благовѣщенскій.

ГОДИЧНЫЙ АКТЪ

ИМПЕРАТОРСКАГО

ВАРШАВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА

30 августа 1880 года.

Одинадцатый годичный актъ Императорскаго Варшавскаго Университета происходилъ 30 августа 1880 гога, въ присуствіи Его Высокопревосходительства Варшавскаго Генералъ-Губорнатора Генералъ-Адъютанта, Генерала отъ кавалеріи Петра Павловича Альбединскаго, г. Попечитела Учебнаго Округа А. Л. Апухтина, г. Помощника Попечителя Учебнаго Округа Н. П. Воронцова-Вельяминова, высшихъ военныхъ и гражданскихъ властей и многочисленной публики.

Актъ начался молитвою: „Царю Небесный,“ пропѣтою архіерейскими пѣвчими.

Затѣмъ послѣдовало чтеніе ординарнымъ профессоромъ Н. А. Андреевымъ „Извлеченія изъ отчета о дѣятельности Императорскаго Варшавскаго Университета за истекшій 1879/80 годъ.“

Торжество окончилось пѣніемъ гимна: „Боже Царя храни!„

ИЗВЛЕЧЕНІЕ ИЗЪ ОТЧЕТА
О ДѢЯТЕЛЬНОСТИ
ВАРШАВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА
за 1879/80 учебный годъ.

Составлено Профессоромъ АНДРЕЕВЫМЪ,

по порученію Совѣта Университета и прочтено

на актѣ 30 Августа 1880 года.

Ваше Высокопревосходительство!
Милостивыя Государыни и Милостивые Государи!

Руководясь 55 § устава *Императорскаго* Варшавскаго Университета, Совѣтъ его поручилъ мнѣ представить просвѣщенному вниманію Вашему краткое извлеченіе изъ годичнаго отчета о дѣятельности нашего разсадника просвѣщенія, который, по всемилостивѣйшей волѣ, Тезоименитаго нынѣ, Державнаго Основателя своего назначенъ—помогать удовлетворенію высшихъ потребностей здѣшняго края и цѣлаго Россійскаго Государства, а черезъ послѣднее и науку, содѣйствовать, по мѣрѣ силъ своихъ, развитію высшаго образованія вообще.

Съ 30 Августа 1879 года, когда многіе изъ Васъ присутствовали въ этой залѣ послѣдній разъ, Университетъ нашъ пережилъ первый годъ втораго десятилѣтія своего существованія; — годъ знаменательный еще тѣмъ, что онъ совпалъ съ

началомъ дѣятельности новаго Попечителя Учебнаго Округа, которому Высочайше ввѣренъ Варшавскій Университетъ 3 § своего Устава.

Проявленія университетской дѣятельности выразились въ этомъ году въ слѣдующемъ:

А) Научно преподавательская дѣятельность, по 47ми, положеннымъ по уставу, болѣе или менѣе сложнымъ каѳедрамъ, началась съ 66-ю номинальными преподавателями.

На самомъ дѣлѣ однако, число дѣйствовавшихъ въ истекшемъ году преподавателей было нѣсколько меньше; ибо: экстра ординарный професоръ исторіи русской литературы, *Яковлевъ*, по болѣзни, оставилъ Университетъ въ началѣ учебнаго года, не приступая къ дѣлу.

Деканъ физико-математическаго факультета и ординарный профессоръ минералогіи *Юркевичъ*, за выслугою лѣтъ, вышелъ изъ Университета также въ началѣ учебнаго года.

Ординарный профессоръ Госпитальной Терапевтической Клиники *Левитскій* въ самомъ началѣ учебнаго года заболѣлъ и потомъ умеръ, также совсѣмъ не приступая къ дѣятельности.

Изъ этихъ трехъ, потеряныхъ Университетомъ, заслуженыхъ дѣятелей въ отчетномъ году замѣненъ штатнымъ образомъ только одинъ преподаватель и деканъ.

Именно, каѳедру исторіи русской литературы занялъ экстра-ординарный профессоръ *Смирновъ*, а на мѣсто Декана физико-математическаго факультета избранъ и утвержденъ ординарный профессоръ *Бабчинскій*. На мѣсто же г. Юркевича, какъ преподавателя минералогіи, хотя и былъ своевременно назначенъ и даже пріѣзжалъ въ Варшаву г. *Ерофѣевъ*; но по случаю скораго полученія имъ другаго мѣста въ С. Петербургѣ, къ дѣлу онъ не приступалъ; а назначенный вновь экстра-ординарнымъ профессоромъ минералогіи, Докторъ этой науки *Лагоріо* можетъ начать свою дѣятельность только съ будущаго года.

Тотчно также преподаватель, имѣющій занять мѣсто, умершаго въ концѣ истекшаго года, профессора Левитскаго приступитъ къ дѣлу только въ наступающемъ году.

Кромѣ того, съ будущаго же только учебнаго года начнутъ свою дѣятельность еще два новые штатные преподавателя, именно: Кандидатъ физико-математическаго факультета Императорскаго С. Петербургскаго Университета *Зининъ*, назначенный и. д. Доцента по каѳедрѣ чистой математики, и кандидатъ историко-филологическаго факультета Университета Св. Владиміра *Любовичъ*, нязначенный и. д. Доцента по каѳедрѣ всеобщей исторіи.

Вотъ, слѣдовательно, сколькихъ силъ, положеныхъ по штату, лишенъ былъ Университетъ нашъ въ истекшемъ году, по независящимъ отъ него обстоятельствамъ.

I). Въ виду этого, ближайшую основную задачу университетскихъ дѣятелей—рядомъ съ добросовѣстнымъ исполненіемъ каждымъ своего прямаго долга — составляла забота о возможно полной и цѣлесообразной замѣнѣ не достающихъ предподавателей наличными силами. Эта задача представляется нелегкою для всѣхъ русскихъ Университетовъ; такъ какъ многія университетскія кафедры очень сложны и многіе соименные предметы читаются на разныхъ факультетахъ, въ различномъ объемѣ и съ разными приспособленіями; вслѣдствіе чего, требуютъ для себя по два и по три предподавателя.

Для Варшавскаго Университета задача эта особенно трудна; такъ какъ здѣсь, по сравненію съ другими русскими Университетами, руководствующимися Уставомъ 18 Іюня 1863 года, штатъ преподавателей меньше на 10 профессоровъ и 9 доцентовъ: а въ тоже время, специіальныя средства, на которыя можнобы, когда угодно, пріобрѣтать временныхъ преподавателей въ нашемъ Университетѣ, до настоящаго года, были особенно малы; вслѣдствіе того, что половина денегъ, собираемыхъ со студентовъ за слушаніе лекцій, поступала въ Государственное Казначейство.

Не смотря однакожъ на такія особыя затрудненія, Университетъ нашъ въ истекшемъ учебномъ году справился съ означенною задачею весьма удовлетворительно. Именно:

а) неимѣвшія штатныхъ преподавателей, кафедры замѣщались слѣдующимъ образомъ:

Кафедру Сравнительной Грамматики занималъ Докторъ сравнительнаго языкознанія *Микуцкій*, въ качествѣ частнаго преподавателя; кафедру математической Физики занималъ О. Пр. Математики *Сонинъ*; кафедру физической Географіи —Э. О. Пр. Физики *Егоровъ*; кафедру Гражданскаго Судоустройства и Судопроизводства—Э. О. Пр. Полицейскаго Права*Окольскій*; кафедру Фармаціи и Фармакогнозіи—бывшій доцентъ этого предмета *Бекманъ*, въ качествѣ частнаго преподавателя; наконецъ, госпитальная терапевтическая клиника ведена была, совмѣстно съ соименною факультетскою клиникою, О. Пр. *Лямблемъ*.

б) Веденіе разныхъ отдѣловъ сложныхъ кафедръ происходило такимъ образомъ:

Часть обширнаго курса общей Химіи преподавалъ и. д. Доцента по кафедрѣ технической Химіи *Гемиліанъ*;

Часть обширнаго курса описательной Анатоміи излагалъ Прозекторъ при каѳедрѣ паталогической Анатоміи *Пржевоскій*; относящаяся къ обширной кафедрѣ Судебной Медицины, Токсикологія излагалась Прозекторомъ при этой кафедрѣ *Аквилевымъ*;

Относящаяся къ той же кафедрѣ, Эпизооціологія излагалась О. Профессоромъ Гигіены *Вислоцкимъ*.

в) Предметы, читаемые на разныхъ факультетахъ, распредѣлены были такимъ образомъ:

Особый курсъ Судебной Медицины для студентовъ юристовъ читался Профессоромъ медицинскаго факультета *Котелевскимъ*;

курсъ душевныхъ болѣзней для тѣхъ же студентовъ

излагался Доцентомъ медицинскаго факультета *Плёнсковскимъ.*

Курсъ Минералогіи для медиковъ и фармацевтовъ во второмъ полугодіи отчетнаго года читался Доцентомъ физико-математическаго факультета, по каѳедрѣ Палеонтологіи и Геологіи, *Трейдосевичемъ*; отдѣльный курсъ аналитической Химіи для фармацевтовъ излагалъ и. д. доцента физико-математическаго факультета *Гемиліанъ*; отдѣльный курсъ Физики для медиковъ и фармацевтовъ 1-го курса временно порученъ былъ въ истекшемъ году Лаборанту физико-математическаго факультета *Дзевульскому*.

Такими способами, почти всѣ незанятыя штатнымъ образомъ кафедры, также какъ всѣ отдѣлы обширныхъ наукъ и предметовъ, читающихся на разныхъ факультетахъ, нашли себѣ въ отчетномъ году достаточное удовлетвореніе. Невозможно было получить преподавателей только для исторіи всеобщей литературы на историко-филологическомъ и для Минералогіи на физико-математическомъ факультетѣ.

Этого, небольшаго сравнительно, лишенія Университетъ, по указаннымъ выше, независѣвшимъ отъ него причинамъ, въ истекшемъ году избѣгнуть прямо не могъ; онъ пріобрѣлъ только возможность избѣгать и такихъ малыхъ лишеній на будущее время.

Именно, въ отчетномъ году Университетъ, черезъ посредство Г. Попечителя Округа, исходатайствовалъ Высочайшее повелѣніе о томъ, чтобы съ 1 Января 1880 года на учебныя и хозяйственныя потребности его оставлялась ему вся сумма, собираемая со студентовъ за слушаніе лекцій, а не половина, какъ было прежде; вслѣдствіе чего, отнынѣ специальныя средства Университета увеличились вдвое и такимъ образомъ, получилась возможность пополнять, недостающія по штату, ученыя силы съ большею легкостью.

Исходатайствованіе означенной щедрой Монаршей милости должно имѣть для Варшавскаго Университета огромное значеніе; ибо, кромѣ упомянутаго доставленія возможности пріобрѣтать когда угодно временныхъ преподавателей и кро-

мѣ значительнаго усиленія хозяйственныхъ и канцелярскихъ средствъ, оно доставило еще слѣдующее:

Получилась возможность—выдавать изъ спеціальныхъ средствъ преподавателямъ на ученыя командировки до 600 рублей въ годъ,—прибавить 1800 рублей къ стипендіяльной суммѣ студентовъ и употреблять изъ названныхъ средствъ на устройство и содержаніе учебно-вспомагательныхъ учрежденій до 7,335 рублей.

II) Слѣдующую затѣмъ, задачу Университета составляла забота объ учебно-вспомогательныхъ учрежденіяхъ, изъ коихъ многія находились въ весьма неудовлетворительномъ состояніи, частію по помѣщенію, частію по средствамъ содержанія и частію по отношеніямъ къ администраціи другихъ вѣдомствъ.

На улучшеніе состоянія упомянутыхъ учрежденій обращено было въ отчетномъ году особенное вниманіе; этимъ, кромѣ лицъ, завѣдующихъ отдѣльными учрежденіями и подлежащихъ факультетовъ, занимались двѣ особыя коммисіи: одна составленная на основаніи общаго для всѣхъ русскихъ университетовъ распоряженія Г. Министра Народнаго Просвѣщенія и другая—по вчинанію Его Превосходительства г. Попечителя Округа.

Первая состояла изъ Профессоровъ *Первольфа*, *Сонина*, *Микляшевскаго*, *Чаусова* и работала по библіотекѣ; вторая, подъ предсѣдательствомъ Декана Медицинскаго Факультета *Бродовскаго*, состояла изъ Профессоровъ *Мѣржинскаго*, *Бабчинскаго*, *Егорова*, *Лучкевича*, *Крышки*, *Трейдосевича*, *Шалфѣева* и работала по остальнымъ учебно-вспомогательнымъ учрежденіямъ.

Библіотечная коммисія, опредѣливъ свою роль и отношенія къ окружающей обстановкѣ, выяснила значительное количество недостатковъ въ распредѣленіи помѣщеній и функціяхъ главной библіотеки и частію устранила эти недостатки, частію дала указанія на исправленіе ихъ въ будущемъ.

При этомъ, названною коммисіею не забыты были также

профессорская и студентская читальни; первая, благодаря означенному приращенію спеціальныхъ средствъ, получила возможность улучшить порядокъ въ содержаніи періодическихъ изданій; вторая, обогатившись пріобрѣтеніемъ 1963 изданій, на сумму до 1255 рублей, ввела особенно удобный для студентовъ способъ полученія книгъ на домъ.

Другая коммисія, разбиравшая недостатки въ помѣщеніи и средствахъ кабинетовъ, лабораторій и иныхъ вспомогательныхъ учрежденій, выяснила эти недостатки самымъ отчетливымъ образомъ и нѣкоторые изъ нихъ удалила, другіе же намѣтила для исправленія въ близкомъ будущемъ.

Рядомъ съ дѣйствіями этой послѣдней коммисіи, въ медицинскомъ факультетѣ происходила усиленная дѣятельность по вопросу о мѣрахъ къ улучшенію клиническихъ помѣщеній и отношенія клиническихъ университетскихъ дѣятелей къ администраціи больницъ, въ которыхъ, согласно Высочайше утвержденному уставу Университета, помѣщаются клиники.

Этотъ, важнѣйшій по значенію, сложнѣйшій и запутаннѣйшій по обстановкѣ, вопросъ разобранъ и уясненъ въ истекшемъ году на столько, что при особомъ вниманіи къ нему со стороны г. Попечителя, Университетъ получилъ крѣпкую увѣренность—въ недалекомъ будущемъ увидѣть свои несчастливыя клиники въ удовлетворительномъ состояніи.

III) Дальнѣйшая задача университетскихъ преподавателей въ истекшемъ году, какъ и прежде, заключалась въ примѣненіи къ дѣлу способовъ и средствъ, усиливающихъ занятія студентовъ, фармацевтовъ и другихъ, допущенныхъ къ занятіямъ въ Университетѣ лицъ.

Этого рода дѣятельность выражалась: въ указаніяхъ на литературу, изучаемыхъ студентами предметовъ, въ руководствѣ письменными работами и практическими занятіями ихъ въ лабораторіяхъ, кабинетахъ и клиникахъ; а также въ производствѣ повѣрочныхъ полугодичныхъ и годичныхъ испытаній. Кромѣ того, для облегченія усвоенія студентами многочисленныхъ основныхъ теоретическихъ знаній, въ истекшемъ

году весьма многіе преподаватели литографировали свои лекціи.

IV) Наконецъ, послѣдняя существенная задача университетскихъ профессоровъ и предподавателей заключалась въ чисто ученой дѣятелчности ихъ. Эта дѣятельность въ отчетномъ году, какъ и прежде, выразилась въ многочисленныхъ печатныхъ трудахъ и ученыхъ командировкахъ; именно: въ истекшемъ учебномъ году, преподаватели Варшавскаго Университета, кромѣ подготовленія нѣкоторыми изъ нихъ большихъ руководствъ и сочиненій, напечатали па разныхъ языкахъ около ста малыхъ брошюръ, статей и изслѣдованій, помѣщенныхъ отчасти въ своемъ журналѣ, издаваемомъ Университетомъ въ видѣ „Университетскихъ извѣстій“ подъ редакціею Доцента *Іезберы*. Авторами упомянутыхъ трудовъ въ отчетномъ году оказались слѣдующія лица: *Струве*, *Макушевъ*, *Колосовъ*, *Первольфъ*, *Никитвкій*, *Карпевъ*, *Барсовъ*, *Трессъ*, *Микуцкій*, *Востоковъ*, *Фишеръ фонъ Вальдгеймъ*, *Ганинъ*, *Поповъ*, *Converted*, *Вржесневскій*, *Егоровъ*, *Ришави*, *Гемиліанъ*, *Баранецкій*, *Ковальчикъ*, *Дзевульскій*, *Знатовичъ*, *Павлевскій*, *Тачановскій*, *Кашница*, *Будзинскій*, *Микляшевскій*, *Окольскій*, *Самоквасовъ*, *Зигель*, *Блокъ*, *Андреевъ*, *Вислоцкій*, *Косинскій*, *Пленсковкій*, *Нейгебауэръ*, *Тауберъ*, *Эльзенбергъ*, *Дунинъ*, *Ясинскій*, *Андерсь I-й*, *Андерсъ II-й*. За одипъ изъ такихъ ученыхъ трудовъ, подъ названіемъ „Очеркъ внутренней исторіи церкви въ великомъ Новгородѣ Э. О. Профессоръ *Никитскій* Императорскимъ С.-Петербургскимъ Университетомъ удостоенъ высшей ученой степени „Доктора Русской Исторіи.“

Кромѣ того, Э. О. Пр. *Смирновъ* издавалъ особый журналъ „Русскій филологическій вѣстникъ“

Ученыя командировки предприняты были слѣдующими лицами:

На бывшемъ въ протекшемъ Декабрѣ мѣсяцѣ въ С.-Петербургѣ „Съѣздѣ естествоиспитателей и врачей“ весьма дѣятельное и стольже видное участіе приняли:

Ординарные Профессоры: — *Ганинъ*, *Поповъ*, *Лямбль* и *Андреевъ*;

— Экстраординарные профессора *Егоровъ*, *Ришави*, *Самоквасовъ*, *Навроцкій*, *Чаусовъ*; Доценты—*Шалфеевъ*, *Тауберъ*, *Гемиліанъ*, а также — Прозекторъ *Пржевоскій*, помощникъ библіотекаря *Васильевъ*, и рядомъ съ ними—студ. I-го курса физико-математическаго факультета *Эсмановскій*.

Имена всѣхъ почти названныхъ лицъ остались болѣе или менѣе лестно записанными въ трудахъ Съѣзда, частію въ качествѣ референтовъ, частію въ качествѣ членовъ распорядительнаго бюро, Предсѣдателей секціонныхъ засѣданій и Членовъ разнаго рода научныхъ и научно-практическихъ комисій.

Далѣе:

Ординарный профессоръ *Лавинскій* получилъ въ концѣ года ученую комадировку въ Лиссабонъ, для участія въ имѣющемъ быть тамъ Сентябрѣ мѣсяцѣ антрополого-археологическомъ международномъ конгресѣ;

Деканъ историко-филологическаго факультета Ординарный Профессоръ *Мржинскій* командированъ за границу для ознакомленія съ состояніемъ археологическихъ кабинетовъ и новѣйшими методами преподаванія древностей;

Ординарный Профессоръ *Перволфъ* конандированъ на лѣтнія вакаціи за границу, съ цѣлью собранія матеріала для готовящагося имъ сочиненія, подъ заглавіемъ: „Славяне, ихъ взаимныя отношенія и связи съ древнейшихъ до новѣйшихъ временъ.“ (Сочиненіе это онъ предполагаетъ издать на трехъ языкахъ—русскомъ, чешскомъ и нѣмецкомъ);

Экстаординарный профессоръ *Навроцкій*, получилъ командировку для ближайшаго ознакомленія съ парижскими физіологическими лабораторіями;

Доцентъ *Тауберъ*—съ 10 Апрѣля по 20 Августа сего года, командированъ для осмотря хирургическихъ институтовъ и клиникъ въ Пруссіи, Австріи и Франціи;

Лаборантъ *Слюсарскій* (на лѣтнее вакаціонное время) командированъ въ разныя мѣстности здѣшняго края, съ цѣлью собиранія научнаго матеріала для изслѣдованія фауны молюсковъ и запаса мѣстныхъ животныхъ для зоотомической лабораторіи университета,

Наконецъ, сюда же можно отнести ученую командировку за границу, оставленнаго при университетѣ для приготовленія къ профессорскому званію, по каѳедрѣ государственнаго права кандидата юридическаго факультета, *Чижова.*

Таковы проявленія ученой дѣятельности университета.

Но кромѣ означенной, чисто университетской дѣятельности, профессора Варшавскаго университета принимали посильное участіе и въ практической жизнедѣятельности, на пользу общественно-государственную.

Такъ, ординарный профессоръ *Колосовъ*, отъ имени университета, участвовалъ въ великомъ славяно-русскомъ торжествѣ открытія памятника нашему общепризнанному литературному свѣтилу А. С. Пушкину, въ Москвѣ.

Г. *Ректоръ Университета*, гг. профессора *Карѣевъ*, *Смирновъ* и лекторъ русскаго языка Н. В. *Бергъ* принимали участіе въ организаціи того же торжества, въ Варшавѣ.

Ординарный профессоръ *Симоненко* участвовалъ въ трудахъ Высочайше утвержденной коммисіи для изслѣдованія желѣзно-дорожнаго дѣла въ Россіи.

По распоряженію г. Попечителя округа, профессора *Мпржинскій*, *Сонинъ*, *Дьячанъ* и *Смирновъ* состояли въ отчетномъ году депутатами отъ окружнаго начальства при производствѣ испытаній зрѣлости въ мужскихъ гимназіяхъ г. Варшавы.

Деканъ и ординарный профессоръ *Бабчинскій* состоялъ депутатомъ отъ окружнаго начальства при производствѣ окончательныхъ испытаній въ варшавскомъ реальномъ училищѣ.

Ординарный профессоръ *Поповъ*, въ качесвѣ депутата отъ учебнаго вѣдомства, участвовалъ при осмотрѣ санитарною подкомисіею зданій учебныхъ заведеній г. Варшавы.

Ординарные профессора *Андреевъ* и *Вислоцкій*, по предложенію г. Попечителя и по порученію медицинскаго факультета, составили проэктъ мѣръ къ предупрежденію и леченію, угрожавшаго холмской гимназіи, дифретита. Мѣры эти, по распоряженію г. Попечителя Округа, были напечатаны и ра-

зосланы по здѣшнымъ учебнымъ заведеніямъ, для свѣдѣнія и руководства.

Преподаватели по каѳедрѣ Судебной Медицыны оказывали постоянную помощь въ судахъ, какъ эксперты; они же, вмѣстѣ съ преподавателями медицинской химіи, фармаціи и гігіены произвели массу химическихъ и микроскопическихъ изслѣдованій, для рѣшенія трудныхъ и спорныхъ судебно-медицинскихъ вопросовъ.

Наконецъ, многіе изъ медицинскихъ университетскихъ дѣятелей помагали организаціи новой безплатной лечебницы при здѣшней общинѣ краснаго креста и согласились принимать личное участіе въ дѣятельности этой лечебницы.

Перечисленная, многообразная дѣятельность университетскихъ преподавателей и лицъ служащихъ при университетѣ сопровождалась въ истекшемъ году слѣдующими наградами:

Почетныхъ наградъ и избраній удостоились:

Экстраординарный профессоръ *Самоквасовъ* — Императорскимъ Обществомъ любителей естествознанія и антропологіи награжденъ *золотою медалью*, за собраніе череповъ и скелетовъ въ курганахъ Курской и Черниговской губерній и за принесеніе въ даръ упомянутому обществу антропологическихъ коллекцій; ему же, тѣмъ же обществомъ присужденъ *предсѣдательскій жетонъ* антропологической выставки; онъ же, тѣмъ же обществомъ избранъ *въ почетные члены.*

Ординарный профессоръ *Фишеръ фонъ Вальдгеймъ* избранъ *почетнымъ членомъ* Общества любителей естествознанія въ Берлинѣ.

Оффиціяльныя награды получили:

Чинъ Дѣйствительнаго Статскаго Совѣтника — ординарный профессоръ *Тырховскій*; чинъ Статскаго Совѣтника — доценты: *Вольфрингъ* и *Пленсковскій*; чинъ Надворнаго Совѣтника —

вольнонаемный преподаватель *Микуцкій*; чинъ Коллежескаго Ассесора — помощникъ инспектора *Палцевъ*.

Орденъ Св. Владиміра 3-ей степени—

Ординарные профессора: *Мњржинскій*, *Кашница*, *Бабчинскій* и *Фишеръ фонъ Вальдгеймъ*.

Орденъ Св Анны 2-ой степени—

Ординарные профессора: *Востоковъ*, *Макушевъ*, *Вислоцкій* и прозекторъ *Аквилевъ*.

Кромѣ того, ординарные профессора *Ефремовскій* и *Котелевскій* удостоены права ношенія на лѣвой сторонѣ груди знака краснаго креста, за участвіе въ дѣятельности мѣстнаго Общества этого имени, во время минувшей войны.

Повышены по службѣ:

Экстраординарный профессоръ *Никитскій* утвержденъ ординарнымъ профессоромъ по занимаемой имъ каѳедрѣ русской Исторіи;

Доценты: ро каѳедрѣ Ботаники — *Ришави* и по каѳедрѣ русской Исторіи — *Барсовъ* утверждены экстраординарными профессорами по соотвѣтственнымъ каѳедрамъ;

Сверхштатнтный ординаторъ клиники накожныхъ болѣзней —*Жера* утвержденъ штатнымъ ординаторомъ той же клиники;

Младшій помощникъ Секретаря Совѣта и Правленія — *Янковскій* утвержденъ старшимъ помощникомъ Секретаря Совѣта и правленія.

Вновь приняты на службу при учебно-вспомагательныхъ учрежденіяхъ университета:

Бывшій врачъ ассистентъ больницы Младенца Іисуса—

Будзинскій назначенъ ординаторомъ клиники душевныхъ и нервныхъ болѣзней;

Лекарь съ отличіемъ —*Бейеръ* назначенъ сверхштатнымъ ординаторомъ при діагностическомъ клиническомъ отдѣленіи;

Лекарь *Старынкевичъ* — сверхштатнымъ ординаторомъ госпитальной хирургической клиники;

Лекарь *Бекманъ* — такимъ же ординаторомъ факультетской хирургической клиники;

Лекарь *Андерсъ 2-ой*—такимъ же ординаторомъ клиники накожныхъ болѣзней.

Таковы, Мм. Гг.,-главныя свѣдѣнія на счетъ администрацій, преподавателей и лицъ, служащихъ при разныхъ вспомогательныхъ учрежденіяхъ университета, за отчетный годъ.

Б) Теперь позвольте перейти ко 2-ой половинѣ Университетской корпораціи — къ учащимся.

Сюда будутъ принадлежать: на 1-мъ планѣ гг. студенты; затѣмъ—вольнослушатели, фармацевты, лица кончившія курсъ и совершенствующіяся при Университетѣ, или занимающіяся для пріобрѣтенія той или другой степени и званія;

а также —лица возпитывающіяся и кончающія курсъ въ подвѣдомственныхъ медицинскому факультету — повивальномъ институтѣ и варшавской гражданской фельдшерской школѣ.

Число студентовъ въ отчетномъ году стояло такъ:

От ъ предшествовавшаго учебнаго года осталось 435 человѣкъ:

на историко филологическомъ факультетѣ	19
на двухъ отдѣленіяхъ физико-математическ. фак. .	66
на юридическомъ факультетѣ.	154
на медицинскомъ факультетѣ	196

Къ началу отчетнаго года вновь поступило 218:

на историко-филологическій факультетъ	13
на два отдѣленія физико-математич. факуль.	43
на юридическій факультетъ	44
на медицинскій факультетъ	113

Въ теченіе года выбыло:

по разнымъ причинамъ	64
умерло	2
исключенъ	1

Окончило курсъ съ правомъ на разныя степени 74:

на историко-филологическомъ факультетѣ	2
на двухъ отдѣленіяхъ физико-математич. фак.	13
на юридическомъ	34
на медицинскомъ	25
вольнослушателей допущено было	22
фармацевтовъ	96

Прикомандировано къ клиникамъ для усовершенствованія 15 военныхъ врачей.

Получили въ Университетѣ и подвѣдомственныхъ ему учрежденіяхъ званія и степени:

степени кандидата	22
званіе дѣйствительнаго студента	33
степень лекаря	28
званіе уѣзднаго врача	7
званіе зубнаго врача	2
степень провизора	35

званіе аптекарскаго помощника	44
званіе землемѣра 1-го класса	6
„ „ 2-го класса	10
званіе повивальной бабки	24

Высшія ученыя степени

„Доктора медицины“ получили двое; именно:

1) младшій врачъ лейбъ-гвардіи литовскаго полка, коллежскій ассесоръ *Коссовскій* — послѣ публичнаго защищенія диссертаціи, подъ заглавіемъ: „къ гистологіи верхняго отдѣла пищеварительнаго канала“;

2) младшій ординаторъ больницы Младенца Іисуса *Хростовскій* — по выдержаніи испытаній и публичнаго защищенія диссертаціи, подъ заглавіемъ: „О вліяніи бромальгидрата на кровеобращеніе“.

Главный контингентъ учащихся — студенты проходили свой курсъ при слѣдующей матеріальной обстановкѣ:

Для облегченія возможности затятій студентовъ и исполненія ими законныхъ требованій, сопряженныхъ съ денежными издержками, администрація университета освобождала успѣшнѣйшихъ и бѣднѣйшихъ изъ нихъ отъ платы за слушаніе лекціи, давала имъ стипендіи и единовременныя денежныя пособія и ссуды.

Фондами для стипендій служили:

10500 рублей изъ суммъ Министерства Народнаго Просвѣщенія;

9,000 рублей въ 1-мъ и 10800 рублей во 2-мъ полугодіи изъ специяльныхъ средствъ университета;

8,784 р. 85 коп., изъ частныхъ записей, находящихся въ распоряженіи варшавскаго университета;

5,036 р. 96 коп., изъ частныхъ записей разныхъ общественныхъ учрежденій, находящихся въ распоряженіи г. Попечителя Округа.

Фондами для единовременныхъ пособій и ссудъ были:

суммы, состоящія въ распоряженіи особаго „Комитета вспомоществованія недостаточнымъ студентамъ;“

сумма по записи барона Ростовецкаго;

суммы, состоящія въ распоряженіи г. Попечителя варшавскаго округа;

Кромѣ того, 18 студентовъ помимо университетской администраціи, получили единовременное пособіе въ 450 рублей изъ суммъ, находящихся въ распоряженіи г. Варшавскаго Генералъ-Губернатора.

Отъ уплаты за слушаніе лекцій, согласно 108 § университетскаго устава, освобождены были въ 1-мъ полугодіи 63 и во 2-мъ полугодіи 60 студентовъ; кромѣ того, отъ платы за цѣлый учебный годъ освобождены были еще 4 студента, пользующіеся стипендіею имени графа Берга, согласно положенію объ этой стипендіи.

Эта помощь студентамъ равняется суммѣ въ 3275 руб.

Въ видѣ казенныхъ и частныхъ стипендій, въ теченіе отчетнаго года, роздано студентамъ всего 33321 рублей 81 копѣйка.

Въ теченіе 1-го полугодія пользовалось стипендіями 120, а во 2-мъ полугодіи 140 человѣкъ.

Въ видѣ единовременныхъ пособій и ссудъ выдано студентамъ въ теченіе года 10250 рублей.

Изъ такихъ пособій, особеннаго вниманія заслуживаетъ пособіе въ 1300 рублей изъ суммъ, находящихся въ распоряженіи г. Попечителя Округа и ассигнованное Его Превосходительствомъ на выполненіе бѣднѣйшими студентами законнаго требованія—постройки форменной одежды.

Другія единовременныя пособія, кромѣ упомянутыхъ выше 450 рублей изъ суммъ г. Варшавскаго Генералъ-Губернатора, были слѣдующія:

Изъ суммы барона Ростовецкаго выдано въ пособіе 34-мъ студентамъ 550 рублей и въ видѣ ссуды — 24-мъ студентамъ 322 рубля.

Изъ суммъ „Комитета вспомоществованія недостаточнымъ студентамъ“ выдано:

въ 1-мъ полугодіи

въ пособіе 258 студентамъ . . . . 3640 р.
въ видѣ ссудъ 70 студентамъ . . . . 1277 р.

и на погребеніе одного студента . . . . 30 р.

во 2-мъ полугодіи

въ пособіе 214 студентамъ . . . . 2840 р.
въ видѣ ссудъ 28 студентамъ . . . . . . 342 р.
и уплочено за леченіе въ больницѣ 1-го студента . 30 р.

Поведеніе студентовъ можно считать весьма удовлетворительнымъ. Замѣчавшіяся по временамъ, нежелательныя проявленія, со стороны нѣкоторыхъ молодыхъ людей, были не многочисленны и неимѣли серьезнаго значенія и послѣдствій Только одинъ студентъ за словесную дерзость Инспектору приговоренъ университетскимъ судомъ, съ 1-го Декабря 1879 года, къ исключенію изъ Варшавскаго Университета на 1 годъ; но и то съ правомъ немедленнаго вступленія въ другое высшее учебное заведеніе, внѣ г. Варшавы, Нынѣ извѣстно, что въ Январѣ 1880 года исключенное лицо это и поступило уже въ число студентовъ Императорскаго Дерптскаго Университета.

Обязательныя лекціи всѣми студентами, за небольшимъ исключеніенъ, посѣщались акуратно.

Занатія ихъ въ учебно вспомогательныхъ учрежденіяхъ были много численны и усердны. Такъ напр. книгами изъ читальни, въ истекшемъ году, изъ числа всѣхъ студентовъ не пользовались только $7\,^3/_5\,^0/_0$; что составляетъ утѣшительный прогрессъ, даже по сравненію съ предшествовавшимъ

годомъ; когда число не пользовавшихся упомянутыми книгами доходило еще до $9^2/_5$%.

Письменныя работы студентовъ историко-филологическаго и юридическаго факультетовъ совершались во внѣлекціонное время на дому, по указаніямъ профессоровъ; практическія занятія студентовъ физико-математическаго и медицинскаго факультетовъ происходили въ многочисленныхъ кабинетахъ, лабораторіяхъ и клиникахъ, подъ наблюденіемъ и руководствомъ соотвѣтственныхъ профессоровъ.

Насколько благопріятны были результаты всѣхъ таковыхъ занятій, объ этомъ можно судить уже поприведенному выше числу стипендій, денежныхъ пособій и ссудъ, при раздачѣ коихъ, кромѣ бѣдности и поведенія студентовъ, всегда имѣлись въ виду — научные успѣхи ихъ.

Въ виду этихъ успѣховъ, администрація Варшавскаго Университета исходатайствовала для студентовъ своихъ право значительно удешевленаго проѣзда по нѣкоторымъ желѣзнымъ дорогамъ.

Во вниманіе къ тѣмъ же успѣхамъ г. Попечитель Округа выдалъ студентамъ въ видѣ единовременныхъ пособій 2715 рублей, изъ коихъ 1300 рублей, какъ упомянуто выше, ассигнованы были на изготовленіе мундировъ.

Во вниманіе къ тѣмъ же успѣхамъ г. Попечитель Округа, по вожбужденному г. Ректоромъ ходатайству Совѣта Университета, предоставилъ студентамъ, отнятое прежними правилами объ испытаніяхъ, право продолжать переходные экзамены, по полученіи одного неудовлетворилельнаго балла и исправлять послѣдній впослѣдствіи.

Результатъ, произведенныхъ такимъ образомъ, переходныхъ испытаній студентовъ и фармацевтовъ въ истекшемъ учебномъ году былъ слѣдующій:

Изъ 545 студентовъ и 98 фармацевтовъ 1-го курса:

Выдержали экзаменъ и переведены въ слѣдующіе курсы:

На историко-филологическомъ факультетѣ	24
На двухъ отдѣл. физико-математ. факульт. . .	58
На юридическомъ факультетѣ	108
На медицинскомъ факультетѣ	226
Всего студентовъ . . .	416
Фармацевтовъ	70

Неокончили экзамена или не явились къ нему:

На историко-филологическомъ факультетѣ . . .	5
На физико-математическомъ факультетѣ	25
На юридическомъ факультетѣ	36
На медицинскомъ факультетѣ	35
Всего студентовъ . . .	101
Фармацевтовъ	15

Не выдержали:

На историко-филологическомъ факультетѣ	—
На физико-математическомъ факультетѣ	6
На юридическомъ факультетѣ	6
На медицинскомъ факультетѣ	16
Всего студентовъ	28
Фармацевтовъ	13

Подлежали оставленію въ прежнихъ курсахъ:

На историко-филологическомъ факультетѣ	5
На физико-математическомъ факультетѣ	31
На юридическомъ факультетѣ	35
На медицинскомъ факультетѣ	46
Всего студентовъ	117
Фармацевтовъ	22

Подлежали увольненію изъ Университета:

На юридическомъ факультетѣ	3
На медицинскомъ факультетѣ	5
Всего студентовъ	8
Фармацевтовъ	6

Окончательныя испытанія въ отчетномъ году дали слѣдующій результатъ:

Изъ 85 студентовъ, бывшихъ на выпускныхъ курсахъ, приступили къ экзамену 80 и выдержали *всѣ до одного*; при чемъ, изъ 47 лицъ, кончившихъ на историко филогогическомъ, физико - математическомъ и юридическ омъ факультетахъ,

Получили право

на степень кандидата 33 человѣка, именно:

на историко-филологическомъ факультетѣ . . .	2
на физико-математическомъ факультетѣ . . . :	11
на юридеческомъ факультетѣ	20

на званіе дѣйствительнаго студента—17 именно:

на физико-математическомъ факультетѣ	2
на юридическомъ факультетѣ	15

а 25 студентовъ, кончившіе теоретическіе экзамены на медицинскомъ факультетѣ, приступятъ, какъ прежде, въ наступающемъ году къ практическимъ клиническимъ экзаменамъ, по выдержаніи коихъ и будутъ удостоены въ степени лекаря.

Таковы, Мм. Гг., результаты занятій гг. студентовъ вообще. Но многіе изъ нихъ зарекомендовали себя еще особенно необязательными письменными работами и научно практическими трудами, за что и получили почетныя или денежныя награды, на сумму 780 рублей.

Именно, *денежныя награды* получили слѣдующие студенты:

а) *по историко-филологическому факультету:*

Студенты 1-го курса— *Коротынскій* Людовикъ—за письменную работу подъ заглавіемъ: „Мантика по Гомеру."

— *Лопацинскій* Іеронимъ — за работу подъ заглавіемъ: „Предлоги въ 1-й книгѣ Геродотовой Исторіи."

— *Михальскій* Андрей — за работу подъ заглавіемъ: „Домашній и общественный бытъ русскаго народа по лѣтописи списка Ипаткаго и Лаврентьевскаго."

— *Цибульскій* Степанъ — за переводъ и объясненіе 4-хъ первыхъ „идилій Ѳеогнита";

— *Запольскій* Лука — за работу: „Объ употребленіи предлоговъ въ Historia Romana Vellei paterculli."

— *Уз*е*мбло* Герардъ — за работу: „о предлогахъ во 2-й книгѣ Геродота".

Студнты 2-го курса: *Георгіевскій* Иванъ — за работу: „Бытъ Славянъ при родовыхъ формахъ."

— *Гейслеръ* Александръ — за работу „положеніе крестьянъ въ Литвѣ въ XVI вѣкѣ."

— *Заусцинскій* Константинъ — за работу подъ заглавіемъ: „Макарій Митрополитъ всей Руси";

— *Орловъ* Василій — за работу „промышленность Великаго Новгорода";

— *Орловъ* Николай — за работу „по исторіи Черниговскаго княжества";

— *Паевскій* Иванъ — за работу подъ заглавіемъ: „флексія греческаго глагола, по сочиненію Курціуса: „Das verbum der griechischen Sprache";

Студенты 3-го курса: *Гозоровъ* Федоръ — за работу подъ заглавіемъ: „Семья и задруга у Сербовъ, по старосербскимъ письменнымъ памятникамъ“;

— *Лагодовскій* Августымъ — за работу подъ заглавіемъ: „Послѣдняя борьба Сербовъ и Албанцевъ съ Турками за независимость, во 2-й половинѣ XV вѣка“;

Студенты 4-го курса: *Гацкевичъ* Евстахій — за работу подъ заглавіемъ: „Отношенія Степана Баторія къ Ивану Грозному, въ періодъ времени съ 1579 по 1581 годъ“;

— *Ячиновскій* Игнатій — за работу: „Домашняя и общественная жизнь Новгорода“;

б) *По юридическому факультету*:

Студенты 2-го курса: *Гембелинскій* Антонъ награжденъ за работу подъ заглавіемъ: „Jus gentium“;

— *Талинскій* Сергѣй — за работу: „обычай, какъ источникъ положительнаго права“;

— *Вадовскій* Александръ — за работу: „О земскихъ Соборахъ“:

Студенты 3 курса: *Баторовичъ* Лонгинъ—за отчетъ о раскопкѣ двухъ кургановъ въ Волынской губерніи;

— *Веренскій* Василій— за работу подъ заглавіемъ: „значеніе борьбы патриціевъ съ плебеями для римскаго гражданскаго права“;

— *Ольшевскій* Францъ — за работу подъ заглавіемъ: „Медициская полиція въ Польшѣ въ XVI вѣкѣ“;

— *Дьячанъ* Владиміръ —за работу: „Народныя собранія у древнихъ Славянъ, преимущественно древне-сербскіе соборы“;

— *Бъ̀ржинскій* Мечиславъ— за работу подъ заглавіемъ: „законодательныя мѣры, вызвавшія паденіе польскихъ городовъ“;

— *Леви* Израилъ — за работу подъ заглавіемъ: „Историческій очеркъ судьбы человѣческаго слова во Франціи, Германіи и Англіи“;

в) за *особенно выдавшіяся и полезныя практическія занятія* получили такія же *денежныя награды* слѣдующіе студенты физико-математическаго и медицинскаго факультетовъ:

Студентъ 1-го курса физико-математическаго факультета *Эсмановскій* Осипъ—за занятія въ ботанической лабораторіи“;

Студентъ 3-го курса медицинскаго факультета *Чаки* Осипъ — за анатомическіе рисунки съ распиловъ замороженныхъ частей тѣла;

Студентъ 3-го курса того же факультета *Грабовскій* Казиміръ — за приготовленіе препаратовъ для анатомическихъ лекцій;

Студентъ 4-го курса того же факультета *Яков кій* Маріанъ — за самостоятельную научную разработку въ гистологической лабораторіи вопроса: „о строеніи молочныхъ железъ у человѣка и животныхъ“;

Студентъ того же курса и того же факультета *Васильевъ* Михаилъ — за самостоятельную разработку въ гистологической лабораторіи вопроса: „о гистологическомъ строеніи железъ наружныхъ мочеполовыхъ органовъ у человѣка и животныхъ, а также за помощь профессору описательной Анатоміи въ руководствѣ студентовъ 2-го курса практическими анатомическими занятіями;

Студентъ того же факультета *Никитинъ* Константинъ —за исполненіе обязанностей препаратора при каѳедрѣ оперативной хирургіи и хирургической анатоміи.

Наконецъ, *почетныхъ наградъ за работы на медальныя темы удостоены* слѣдующія лица:

А. *5 золотыхъ медалей* получаютъ: 1. студентъ 4-го курса юридическаго факультета *Афанасьевъ* Владиміръ, тотъ самый, который получилъ золотую медаль въ прошедшемъ учебномъ году, удостоивается и нынѣ золотой медали за работу на тему: „Выяснить происхожденіе, время появленія и значеніе книги Пана изъ Розенберга, а также—изложить содержаніе ея“;

2. Окончившій полный курсъ наукъ по естественному отдѣленію физико-математическаго факультета, кандидатъ естественныхъ наукъ *Михайловскій* Оттонъ— удостоивается золотой медали за работу на тему: „представить описаніе устройства кровеносной системы піявки“.

3. Студентъ 3-го курса физико-математическаго факультета *Мерчингъ* Генрихъ-Александръ удостоивается „золотой медали за сочиненіе подъ заглавіемъ: „Императоръ Тиберій“

4. Студентъ 5-го курса медицинскаго факультета *Вассерцугъ* Давидъ удостоивается золотой медали за работу подъ заглавіемъ: „Мочевой пузырь, его положеніе, мышечныя волокна мочеваго пузыря, Capsula pelvio prostatica“.

5. Студентъ 5-го курса медицинскаго факультета *Залесскій* Степанъ удостоивается золотой медали за работу подъ заглавіемъ: „Результаты провѣрки опытовъ Боннета на тазобедренномъ и коленномъ суставахъ“.

В. 4 *серебряныя* медали получаютъ:

1. Студентъ 3-го курса историко-филологическаго факультета *Домбровскій* Осипъ удостоивается серебряной медали за работу подъ заглавіемъ: „Ѳеогнитъ и его сочиненія.“

2. Студентъ 4-го курса юридическаго факультета *Вагнеръ* Фердинандъ удостоивается серебряной медали за сочиненіе

подъ заглавіемъ: „устройство французской администраціи по законамъ, изданнымъ съ 1789 года по настоящее время“.

3. Окончившій курсъ наукъ въ 1879/80 академическомъ году по юридическому факультету, съ правомъ на степень кандидата, *Стемпковскій* Станиславъ удостоивается серебряной медали за сочиненіе на тему: „Вліяніе торговыхъ трактатовъ XIV вѣка на развитіе народныхъ связей.“

4. Студентъ 5-го курса медицинскаго факультета *Краузе* Людовикъ удостоивается серебряной медали за работу подъ заглавіемъ: „Вліяніе салицимовокислыхъ солей на организмъ“.

С. *Почетныхъ отзывовъ* за работы на медальныя темы удостоены слѣдующія 5 лицъ:

1 и 2. Студ, 3-го курса юридическаго факультета *Валевскій* Богумилъ-Осипъ-Адамъ и студ. 5-го курса медицинскаго факультета *Веганскій* Владиславъ — за работу подъ заглавіемъ „критическое сравненіе ученій Локка и Лейбница — объ идеяхъ“.

3. Окончившій курсъ съ правомъ на кандидата математическихъ наукъ *Ренкавекъ* Болеславъ — за работу на тему „Интегрированіе полныхъ дифференціальныхъ уравненій“.

4. Окончившій курсъ наукъ по естественному отдѣленію физико-математическаго факультета съ званіемъ дѣйствительнаго студента, *Лѣссовъ* Романъ — за работу подъ заглавіемъ: „обзоръ геологическихъ изслѣдованій, произведенныхъ въ Царствѣ Польскомъ со времени Пуша по настоящее время“.

Студентъ 4-го курса юридическаго факультета, *Голубекъ* Иванъ — за работу на приведенную уже выше тему: „устройство французской администраціи, по законамъ изданнымъ съ 1789 года по настоящее время“.

Заканчивая нынѣшній отчетъ нашъ раздачею наградъ особенно выдавшимся студентамъ, мы позволимъ себѣ выра-

зить крѣпкую увѣренность въ томъ, что при означенной выше Монаршей милости, столь щедро увеличившей матеріальныя средства Варшавскаго Университета, при выраженномъ уже глубоко просвѣщенномъ сочувствіи ко всему учебному вѣдомству со стороны Г. Начальника Края, Его Высокопревосходительства Генералъ-Адъютанта Петра Павловича Альбединскаго и при энергическомъ содѣйствіи нуждамъ и потребностямъ Варшавскаго Университета, со стороны ближайшаго Начальника его, Г. Попечителя Округа, Тайнаго Совѣтника Алек. Львовича Апухтина —дѣятельность нашего Университета впредь будетъ гораздо легче и въ силу этого еще успѣшнѣе и плодотворнѣе.

ОТЗЫВЪ

Профессора ПАВИНСКАГО, о диссертаціи, написанной студентомъ Генрихомъ Мерчингомъ для полученія золотой медали, подъ заглавіемъ: „Императоръ Тиберій", съ девизомъ:

L'histoire de l'empire romain est l'histoire d'une série de personalités. Un seul homme conduit l'univers pendant un an ou pendant vingt ans; de l'état moral de cet homme dépend le malheur ou le bonheur du monde.

Beulé. Tibère p. 131.

Хотя по вопросу, составляющему сюжетъ темы, предложенной историко-филологическимъ факультетомъ для соисканія золотой медали, существуютъ уже такіе знаменитые труды, каковы сочиненія: Sievers'a, Beulé, Stahr'a, Merivale'a, — хотя могло бы показаться, что, послѣ столь многихъ и добросовѣстныхъ попытокъ, сдѣланныхъ учеными не одной лишь исключительно народности, а представителями почти всѣхъ европейскихъ литературъ, предметъ исчерпанъ вполнѣ, вопросъ разъясненъ, дѣло изслѣдовано, и что оно, какъ порѣшенное, сдано уже въ богатый архивъ исторической науки, тѣмъ не менѣе, появляющіяся время отъ времени новыя монографіи, свидѣтельствуютъ и доказываютъ убѣдительно, что по этому предмету еще не произнесено наукою послѣднее слово и *adhuc sub judice lis est.* Нѣмецкій ученый изслѣдова-

тель Pasch считалъ возможнымъ не только критиковать увлекшагося через чуръ въ пользу императора Тиберія Stahr'a, но нашелъ необходимымъ опять разсмотрѣть все дѣло, разобрать подробно свѣдѣнія Тацита, взвѣсить ихъ отдѣльно, и, защищая римскаго дѣеписателя, доказать, что онъ въ самомъ дѣлѣ писалъ свои анналы *sine ira et studio.*

Еще послѣ труда Pasch'a явилась новая диссертація француза Julien Duschene'a и опять стали въ европейской литературѣ съ изнова перелистывать исторію втораго римскаго императора: значитъ, наука еще не удовольствовалась вполнѣ рѣшеніями, доставленными ей трудами самыхъ авторитетныхъ ученыхъ, которые брались за разъясненіе загадки. И нѣтъ даже сомнѣнія въ томъ, что изслѣдователи все еще будутъ возвращаться къ Тиберію и будутъ возвращаться до тѣхъ поръ, пока безсмертный римскій историкъ Тацитъ не перестанетъ привлекать къ своему труду почитателей классицизма, почитателей произведеній древняго, античнаго духа.

Въ виду такого положенія вопроса, факультетъ считалъ полезнымъ предложить студентамъ соискателямъ тему — объ императорѣ Тиберіи.

Представлены всего двѣ диссертаціи:

Первая изъ нихъ, отмѣченная приведеннымъ уже выше девизомъ, заслуживаетъ прежде всего вниманія и по своей обширности и по своимъ достоинствамъ. Авторъ ея вполнѣ вѣрно уразумѣлъ ту цѣль, которую факультетъ имѣлъ въ виду, предлагая тему. Онъ понялъ совершенно ясно, въ чемъ могла и должна была состоять задача, историка, желающаго писать о Тиберіи послѣ цѣлаго ряда знаменитостей: каковы: Sievers, Stahr и проч. Понимая ясно и точно свою задачу, онъ и старался рѣшить ее по сильно.

Авторъ, согласно требованіямъ строгаго историческаго метода, распредѣлилъ свой матеріалъ такимъ образомъ, что онъ прежде всего старался дать себѣ отчетъ въ томъ, что̀ представляютъ по данному вопросу источники, каково ихъ значеніе, какова степень достовѣрности. Вслѣдъ за тѣмъ изображена картина историческаго развитія литературы по этому же вопросу. Такого рода пріемъ методическаго изло-

женія далъ автору возможность ясно опредѣлить состояніе вопроса въ европейской литературѣ, указать на то, что̀ сдѣлано уже, и что̀ остается еще сдѣлать, наконецъ заявить, что̀ онъ самъ можетъ, и что̀ онъ намѣренъ сдѣлать. Авторъ такимъ образомъ поставилъ вопросъ вполнѣ вѣрно, опредѣливъ—terminus a quo, terminus ad quem.

Займемся ближе разборомъ этой первой части диссертаціи, которая, по моему, въ нѣкоторой степени важнѣе второй т. е. той, гдѣ разбираются вопросы чисто историческаго свойства. Авторъ, послѣ краткаго вступленія, приступаетъ къ указанію своихъ источниковъ. На первомъ мѣстѣ стоитъ Тацитъ, потомъ въ отдѣльной главѣ разсмотрѣнъ Светоній; третье мѣсто отведено Діону Кассію, четвертая же глава посвящена обозрѣнію прочихъ писателей, каковы: Vellejus Paterculus, Valerius Maximus, Strabo и пр. Послѣ кратко и сжато представленной біографіи, подвергается обстоятельному анализу исторіографическое значеніе каждаго писателя, а вслѣдъ за тѣмъ представляется подробный разборъ того сочиненія, которое заключаетъ въ себѣ свѣдѣнія, относительно времени императора Тиберія. Хотя въ этомъ случаѣ автору облегчали его трудъ сочиненія по исторіи римской литературу Bähr'a и Teuffel'a; тѣмъ не менѣе ему пришлось спеціально заниматься вопросами чисто критическаго свойства, которыми не занимаются вообще авторы общихъ руководствъ по исторіи литературы. Въ силу подробнаго анализа каждаго по очереди источника, вышла у него вѣрная характеристика тѣхъ руководителей, которымъ онъ будетъ обязанъ своими свѣдѣніями при изображеніи характера Тиберія. Авторъ положилъ много труда на то, чтобы представить, по возможности, полный очеркъ значенія и важности своихъ источниковъ. Въ этой части диссертаціи видна рачительность, стараніе о томъ, чтобы воспользоваться результатами разныхъ мелкихъ сочиненій, диссертацій, которыми, какъ извѣстно, такъ изобилуетъ, особенно нѣмецкая литература.

Очеркъ литературы разбираемаго предмета свидѣтельствуетъ, что авторъ изучилъ хорошо всѣ пособія, всѣ монографіи, разсужденія или сочиненія посвященныя правленію

Тиберія. Онъ характеризуетъ и оцѣняетъ значеніе Sievers'a, Duruy'a, Stahr'a, Champagny, Merivale'a и прочихъ историковъ нѣмецкихъ и французскихъ: Меривеля онъ цитуетъ не по англійскому подлиннику, а по нѣмецкому переводу.

Изложеніе исторіи вравленія Тиберія составляетъ предметъ второй, весьма обширной части на 220 страницахъ in folio. Она распадается на два отдѣла. Въ первомъ изъ нихъ изображена жизнь Тиберія до вступленія на престолъ, во второмъ отдѣлѣ представлена въ XV-ти главахъ сама исторія двадцати-трехлѣтняго царствованія Августова преемника. Опредѣливъ вѣрно значеніе источниковъ, ихъ достовѣрность, охарактеризовавъ состояніе вопроса въ наукѣ въ данную минуту, авторъ совершенно вѣрно понялъ и исполнилъ свою задачу. Не занимаясь вовсе подробнымъ разсказомъ мелкихъ событій, не задаваясь трудомъ вновь пережёвывать пережёванное, онъ устремилъ главнымъ образомъ свое вниманіе, или на вопросы первой важности, относящіеся непосредственно къ разъясненію тёмной, загадочной натуры Тиберія,—или же, пытался самостоятельно объяснить нѣкоторыя событія, которыя показались ему еще не вполнѣ или неудовлетворительно растолкованными. Такимъ лишь образомъ и было возможно замкнуть въ предѣлахъ диссертаціи все правленіе Тиберія. Вѣдь Stahr, какъ извѣстно, написалъ о томъ же предметѣ цѣлую книгу и притомъ весьма обширную.

Авторъ не упускалъ изъ виду психологической стороны своего этюда. Онъ поставилъ себѣ главною задачею направить всѣ свои усилія при интерпретаціи источниковъ на этотъ именно пунктъ. Ставъ на точку зрѣнія анти-Тацитовую, защищая вмѣстѣ съ Stahr'омъ Тиберія, онъ старается однакоже указать на промахи увлекающагося через-чуръ нѣмецкаго историка, и примыкаетъ болѣе къ тому мнѣнію, которое высказалъ о Тиберіи англійскій историкъ Меривель и нѣмецкій изслѣдователь Сиверсъ.

Кажется, что нельзя было не примкнуть ко взглядамъ такихъ трезвыхъ, осторожныхъ и добросовѣстныхъ изслѣдователей, каковы только что приведенные два ученые.

Если автору, слѣдовательно, при такомъ разнообразіи взглядовъ и характеристики было очень трудно выяснить и указать новыя стороны въ характерѣ изучаемой личности, то однакоже встрѣчаются мѣста, которыя свидѣтельствуютъ, что онъ, не смотря на добросовѣстную интерпретацію сдѣланную предшественниками, старался самостоятельно растолковать или то, или другое отдѣльное извѣстіе, встрѣчаемое у Тацита, Светонія и проч. Къ такимъ напр. удачнымъ пунктамъ слѣдуетъ отнести вопросъ о причинахъ смерти Германика и о соучастіи въ этомъ дѣлѣ Пизона.

Отмѣтимъ также недостатки диссертаціи. Ихъ довольно много. Есть промахи чисто методическаго свойства, касающіяся способа—объяснять и понимать источники. Эти я считаю самыми важными. Авторъ иногда не вникаетъ глубже въ значеніе свѣдѣній, сообщаемыхъ тѣмъ или другимъ писателемъ и повторяетъ просто-за просто все, что сказано Stahr'омъ или Sievers'омъ, такъ, что недоумѣваемъ—можно ли считать тотъ или другой окончательный результатъ плодомъ собственнаго труда или лишь умѣніемъ автора пользоваться уже готовымъ выводомъ, добытымъ наукою до него.

Съ этими упреками я соединяю другой: Мѣстами замѣтна поспѣшность и опять же недостаточное растолкованіе источниковъ, которые — не смотря на кропотливые труды Beulé, Pasch'a и пр., даютъ еще возможность довести анализъ подробностей дальше, до болѣе удовлетворительнаго рѣшенія. Автору не слѣдовало пренебрегать такимъ мелкимъ кропотливымъ трудомъ. Нынѣ и возможна, по исторіи Тиберія, лишь такая мозаичная работа.

Кромѣ этихъ самыхъ важныхъ недостатковъ встрѣчаются въ диссертаціи и менѣе важные. Напр. авторъ не указалъ въ исторіи развитія вопроса о Тиберіи, такихъ сочиненій, каковы Duruy'a Histoire des Romains въ VI томахъ — одинъ изъ самыхъ новыхъ трудовъ по римской исторіи, слѣдовательно и по исторіи правленія Тиберія. Онъ не цитуетъ нигдѣ статьи Модестова „Римская литература при Тиберіи." Кромѣ того, само изложеніе, особенно во второй ча-

сти диссертаціи, хотя и ясно и отчетливо, мѣстами однакоже отличается отсутствіемъ внѣшней художественной отдѣлки.

Не смотря на указанные мною недостатки, которые легко объяснить себѣ трудностью темы, обширностью матеріала, я считаю однакоже трудъ автора достойнымъ вниманія. Хотя диссертація и не вноситъ ничего новаго въ сокровищницу науки, тѣмъ не менѣе она представляетъ собою методическое изложеніе предмета, вѣрное толкованіе источниковъ, необыкновенное трудолюбіе автора, начитанность, знаніе иностранныхъ литературъ, нѣмецкой и французской, умѣніе справляться съ источниками, дѣлать обобщенія и проч. Вообще по моему мнѣнію, задача рѣшена удовлетворительно и удачно. Она исполнена lege artis. Этому я придаю особенное значеніе и считаю самымъ капитальнымъ достоинствомъ диссертаціи. На основаніи приведенныхъ выше данныхъ, имѣю честь покорнѣйше просить факультетъ ходатайствовать передъ Совѣтомъ Университета о награжденіи автора золотою медалью.

А. Павинскій.

Варшава, 16 Августа 1880 г.

ОТЗЫВЪ

Профессора МѢРЖИНСКАГО о диссертаціи написанной студентомъ Осипомъ Домбровскимъ подъ заглавіемъ: „Ѳеогнидъ и его сочиненія", съ эпиграфомъ: „ἄπαντα τα αἰνίγματα λέγειν ἐπ᾽ ἀκριβὲς οὐ ῥάδιον."

Въ предисловіи указаны пособія, которыми авторъ пользовался, а именно 15 монографій по различнымъ Ѳеогнидовымъ вопросамъ, и 6 сочиненій общаго содержанія, въ которыхъ находятся подробныя разсужденія о Ѳеогнидѣ. Авторъ опредѣляетъ свою задачу такимъ образомъ, что не желаетъ заниматься ни діалектомъ, ни разборомъ различныхъ конектуръ а обратить вниманіе на разъясненіе:

1) характера и воззрѣнія поэта,
2) формы и содержанія его элегій,
3) возникновенія и характеристики нашего собранія Ѳеогнидовыхъ сочиненій.

Съ этой цѣлью авторъ раздѣляетъ свой трудъ на V главъ.

Въ I главѣ идетъ рѣчь объ изданіяхъ, литературѣ и спискахъ Ѳеогнидовыхъ сочиненій. Сообщивъ, что изданія текста до 1795 года отмѣчены Фабриціемъ (Biblioth. Graec. 1. 704—719) а Велькеромъ до 1826 года, авторъ изчисляетъ самыя главныя изданія, начиная съ 1495 года до новѣйшихъ временъ. Въ предисловіяхъ къ этимъ изданіямъ ученые высказали свои мнѣнія на счетъ Ѳеогнидовыхъ сочиненій, но

кромѣ того есть ученые, занимавшіеся этимъ вопросомъ въ отдѣльныхъ статьяхъ, которыя авторъ раздѣляетъ хронологически на 2 разряда, на разрядъ до Велькера, и на разрядъ послѣ Велькера. Въ концѣ этого библіографическаго обзора упоминаетъ объ общелитературныхъ произведеніяхъ, въ которыхъ находятся важныя замѣчанія по данному вопросу,—сообщаетъ краткую характеристику кодексовъ, и разсуждаетъ о Стобеѣ въ отношеніи къ дошедшему до насъ тексту.

Во II главѣ авторъ даетъ намъ „Краткій обзоръ мнѣній ученыхъ о Ѳеогнидовыхъ сочиненіяхъ." Въ началѣ говоря о политическомъ характерѣ сочиненій авторъ приводитъ мнѣнія Мэрсія, Каммерарія, Вассенберга, Велькера, Шнейдевина, О. Мюлера, Гроте, Шемана, Гекера, Бернгарда, фонъ деръ Мея, Леуча, Гартунга. Затѣмъ разбирается вопросъ „о формѣ и содержаніи Ѳеогнидовыхъ элегій." Сообщивъ мнѣніе Велькера по этому вопросу, авторъ указываетъ на сходство и различіе мнѣній Ниче, фонъ деръ Мея, Берга, Бернгарда, О. Мюллера, Леуча. Слѣдуетъ разборъ вопроса о происхожденіи собранія Ѳеогнидовыхъ элегій. Указавъ на мнѣніе Фабриція, Гейна, Боассонада, Велькера, Ниче, авторъ приводитъ сущность мнѣнія Фриче, ослабившаго, да, опровергшаго теорію своего предшественника Ниче — и затѣмъ слѣдуютъ мнѣнія Бергка, Бернгарда, О. Мюллера, фонъ деръ Мея, Леуча, Гартунга, а въ концѣ выражаетъ свое мнѣніе, которое какъ болѣе сложное, и соединяющее мнѣнія предшественниковъ не приведу.

Третья глава занимается біографіею Ѳеогнида. Относительно мѣста рожденія авторъ раздѣляетъ установившееся уже между учеными мнѣніе, что Ѳеогнидъ родился въ Пелопоннеской Мегарѣ; затѣмъ слѣдуя мнѣнію Гекера опредѣляетъ время жизни Ѳеогнида, которое совпадаетъ съ періодомъ персидскихъ войнъ. Обстоятельствъ жизни мы не знаемъ; все, что приводится учеными—это заключенія изъ сочиненій Ѳеогнида, очень часто невѣрныя, такъ какъ онѣ въ большинствѣ случаевъ основаны на неподлинномъ текстѣ. По двумъ источникамъ, а именно по Аристотелю и Геродоту

мы знаемъ только одно т. е. существованіе тираніи Өеагена; все же другое догадки, попытки ученыхъ, пополнить пробѣлы.

Составивъ себѣ по сочиненію Гроте, общую историческую почву событій, совершившихся въ Мегарѣ съ 42 до 89 Олимпіады, т. е. описавъ періодъ, въ теченіе котораго жилъ Өеагенъ, и время послѣ изгнанія этого тирана, авторъ старается догадаться, какая была судьба поэта—и, сообщивъ различныя мнѣнія ученыхъ приходитъ къ тому результату, что сочиненія Өеогнида не даютъ намъ право сдѣлать заключенія: что Өеогнидъ былъ изгнанъ и лишенъ имущества демократами. Оставимъ мнѣнія ученыхъ по этому вопросу— и сообщимъ мнѣніе автора диссертаціи, которое также соединеніемъ предшествовавшихъ за исключеніемъ немногаго. „Происходя, должно быть, изъ богатой аристократической семьи, Өеогнидъ имѣлъ случай получить хорошее образованіе"—...ему были извѣстны сочиненіе Гомера, Гезіода, изрѣченіе семи мудрецовъ.... подъ вліяніемъ экономическаго положенія, молодости и пр. — онъ предался удовольствіямъ жизни. Этому періоду пиршественныя и эротическія пѣсни обязаны своимъ возникновеніемъ. Но вдругъ беззаботный юноша перемѣняется въ пессимистическаго моралиста, философа. Причиною этой внезапной перемѣны былъ обманъ со стороны его друзей, лишившихъ Өеогнида имѣнія, а не политическая борьба съ демократами. Это обстоятельство авторъ старался оправдать натянутымъ объясненіемъ слова ἀγαθός и καλός δούλειος. Перемѣна обстоятельствъ жизни имѣла громаднѣйшее вліяніе на характеръ его и на міровоззрѣніе, слѣдовательно и на его сочиненія, которыя теперь являются въ формѣ элегій. Въ этихъ элегіяхъ можно различать два періода; первый въ которомъ Өеогнидъ находясь безпосредственно подъ вліяніемъ постигшаго его несчастія, предается безграничному горю; къ такимъ элегіямъ принадлежатъ (оставшіеся) стихи 811--814, 819—820, 1197—1202 и пр. — Второй періодъ — это время, когда уже уменьшилось горе отъ испытаннаго зла и поэтъ спокоійнѣе смотрѣлъ на окружающій его міръ — доказательство этому стихи 133—142; 373—380 и пр. Въ этотъ послѣдній періодъ поэтъ предста-

вляется намъ: въ свѣтломъ видѣ какъ къ отношеніи къ богамъ такъ и къ людямъ.

Слѣдующая IV глава заключаетъ въ себѣ разсужденіе о формѣ и содержаніи Ѳеогнидовыхъ элегій. Относительно этого вопроса существуютъ два главныхъ мнѣнія; одни ученые, въ главѣ коихъ Бергкъ, утверждаютъ, что Ѳеогнидъ писалъ элегіи лирическаго характера, изъ нихъ позднѣйшіе дѣлали извлеченія мѣстъ характера гномическаго; подлинникъ потерянъ — извлеченіе же дошло до насъ. Другіе же, а главнымъ ихъ защитникомъ Велькеръ, полагаютъ, что Ѳеогнидъ писалъ ихъ въ видѣ простыхъ гномъ, другъ за другомъ слѣдующихъ. Затѣмъ авторъ излагаетъ свой взглядъ, по которому Ѳеогнидъ „рано познакомился съ источниками греческой мудрости" „и по мѣрѣ какъ онъ ту или другую истину повѣрилъ на опытѣ" — взялся за писаніе элегій, форма которыхъ по Леучу Phil. XXII. 27—29 обыкновенно слѣдующая: „въ началѣ поставлена тема т. е. истина (вѣроятно испытанная) затѣмъ слѣдуютъ аргументы—частные случаи; наконецъ заключеніе. Авторъ приводитъ примѣры: „Гномы же, которыя попадаются въ нашемъ собраніи — дѣло извлеченія изъ этихъ гномологическихъ элегій."

И опять имѣемъ дѣло съ вопросомъ, принадлежатъ-ли пиршественныя и эротическія стихотворенія Ѳеогниду или нѣтъ. Слѣдуетъ изложеніе различныхъ мнѣній; Велькеръ на основаніи однаго мѣста у Стобея даетъ отвѣтъ отрицательный, къ которому примкнули Ниче, Дильтей, фанъ деръ Мей. Леучъ же разбирая критически это мѣсто Стобея указалъ, что отъ него не льзя дѣлать заключенія, такъ какъ этотъ источникъ не со всѣмъ чистъ — да, одна часть, совсѣмъ не вѣрна. Автора мнѣніе по этому вопросу мы уже знаемъ— онъ приписываетъ ихъ Ѳеогниду, который эти стихотворенія составилъ въ своихъ юныхъ лѣтахъ.

Въ V главѣ разбирается на 10-ти листахъ со всею подробностью вопросъ о возникновеніи и видѣ настоящаго собранія.

Сообщивъ мнѣнія ученыхъ, какъ Велькера, который полагаетъ, что наше собраніе зналъ Аѳеней, и что оно соста-

влено въ I вѣкѣ — и на другомъ мѣстѣ, что оно составлено какимъ-то олигархомъ послѣ временъ Платона, но дошло до насъ въ испорченномъ видѣ; сообщивъ также мнѣніе Ниче, Леуча, авторъ диссертаціи соглашается съ мнѣніемъ Ниче, утверждающаго, что собраніе Ѳеогнидовыхъ сочиненій слѣдуетъ отнести къ V вѣку по Р. Х. Редакторъ этого собранія пользовался не только собраніями гномъ но также болѣе цѣльныхъ элегій; онъ желалъ изъ этихъ отдѣльныхъ собраній составить одно цѣлое, но такъ, какъ у него не было никакого руководящаго принципа—то вышло не собраніе а сопоставленіе различныхъ кусковъ Ѳеогнидовыхъ и не Ѳеогнидовыхъ сочиненій. Изъ этого уже видно, въ какомъ жалкомъ состояніи находится Ѳеогнидовъ текстъ, и не удивительно, что находятся различныя противорѣчія. Авторъ диссертаціи находитъ въ текстѣ слѣдующіе недостатки: противорѣчія, отсѣченія, повторенія, модификаціи и сочиненія другихъ поэтовъ, онъ старается указать откуда произошли эти недостатки. Оставимъ подробности и скажемъ только, что авторъ называетъ отсѣченіями. Это гномы, принадлежавшія къ цѣльнымъ элегіямъ, но отсѣченныя эпитомиторами.

Авторъ посильно старался удовлетворить заданной темѣ; библіографическая часть хорошо обработана; кромѣ двухъ новѣйшихъ изданій, появившихся въ теченіе этого года отмѣтилъ всѣ важнѣйшія; и біографическая часть внимательно составлена. Относительно другихъ критическихъ вопросовъ, авторъ познакомился съ самыми цѣльными пособіями до 1878 года, но не смотря на многія попытки быть самостоятельнымъ, онъ еще слишкомъ много зависимый отъ мнѣній другихъ ученыхъ. Вслѣдствіе этого происходятъ нѣкоторыя повторенія нпр. относительно эротическихъ и пиршественныхъ сочиненій. Въ отвѣтъ на гипотезы другихъ ученыхъ онъ предлагаетъ свои; правду сказать, трудно еще при нынѣшнемъ состояніи скудныхъ источниковъ дойти до положительныхъ результатовъ. Вопросы, которыхъ ученые не касались, и авторомъ не тронуты. Такъ нпр. авторъ не обратилъ вниманія на языкъ и грамматическіе вопросы; правда, что онъ въ началѣ своего разсужденія сказалъ, что онъ не намѣ-

ренъ разбирать ихъ, какъ еще мало разработанныхъ, но поводъ такой не извиняетъ автора.

Не смотря на указанныя мною отрицательныя стороны этой диссертаціи, я, имѣя въ виду сложность вопросовъ являющихся при разработкѣ заданной темы, прилежаніе автора посильно распутать ихъ, считаю возможнымъ признать эту диссертацію достойною награды серебряной медали, по чему и покорнѣйше прошу факультетъ ходатайствовать передъ совѣтомъ о вознагражденіи автора такой—серебряной медалью.

А. Мѣржинскій.

ОТЗЫВЪ

Профессора СТРУВЕ о студентскихъ сочинненіяхъ представленныхъ историко-филологическому факультету Императорскаго Варшавскаго Университета, для полученія медали на тему изъ философіи за 1879/80 учебный годъ.

Заданная факультетомъ тема озаглавлена: „Критическое сравненіе ученій Локка и Лейбница объ идеяхъ."

Цѣль и содержаніе этой темы ясны сами по себя. Основательное ознакомленіе съ подлинными сочиненіями великихъ мыслителей составляетъ необходимое условіе всякаго истинно философскаго образованія. Самоувѣренность и мнимая самостоятельность нашего времени пренебрегаетъ очень часто этимъ условіемъ, задается составленіемъ будьто-бы новыхъ взглядовъ, признаетъ за ними высокое значеніе, иногда приписываетъ имъ даже исключительно эпитетъ научности,—но при всемъ томъ защитники подобныхъ взглядовъ очень часто не имѣютъ яснаго понятія ни объ историческомъ началѣ оныхъ, ни о ихъ недостаткахъ и слабыхъ сторонахъ, изъясненныхъ однако уже неоднократно критическою работою знаменитыхъ мыслителей.

Въ подобномъ положеніи находится въ наше время между прочими и вопросъ о началѣ и источникахъ нашихъ познаній. Что-бы разрѣшить этотъ вопросъ научно, согласно требованіямъ философской критики, для этого нельзя упускать изъ виду тѣхъ данныхъ, которые мы находимъ въ со-

чиненіяхъ знаменитыхъ мыслителей прежнихъ временъ. Ихъ изслѣдованія и взгляды могутъ служить то указаніемъ истиннаго пути къ разрѣшенію этого вопроса, то предостереженіемъ отъ ошибокъ и заблужденій. А такъ какъ первыми и такъ сказать типическими мыслителями разработывавшими этотъ вопросъ въ новое время были именно Локкъ и Лейбницъ, то научный разборъ его долженъ основаться на точномъ, изъ подлинныхъ источниковъ почерпнутомъ изученіи теорій этихъ мыслителей объ идеяхъ. Таковое изученіе даетъ твердое начало всякимъ самостоятельнымъ философскимъ попыткамъ на этомъ поприщѣ, и поэтому именно столь желательно, что-бы молодежь занимающаяся философіею обращала прежде всего вниманіе на эти историческіе источники столь важнаго по настоящее время вопроса.

На заданную тему представлены были факультету два сочиненія:

I. Одно обнимающее собою 123 страницъ написанное въ двухъ тетрадкахъ съ эпиграфомъ: Γνῶθι σεαυτόν и съ девизомъ изъ *Фейербаха:* „Die wahre Kritik liegt in der Entwickelung selbst—и т. д.”

II. Второе въ одной тетрадкѣ въ LIV страницъ римской и 163 страницъ арабской пагинаціи съ эпиграфомъ изъ *Канта:* „Es heisst gewissermassen die Ehre der menschlichen Vernunft vertheidigen и т. д.”

I.

Первое изъ этихъ сочиненій распадается на Введеніе и 14 небольшихъ главъ, содержаніе которыхъ слѣдующее:

Въ *Введеніи* (стр. 5—29) озаглавленномъ: *Историческій очеркъ ученій объ идеяхъ* авторъ представляетъ въ общихъ чертахъ изложеніе взглядовъ Платона, Аристотеля, Эпикурейцевъ, Стоиковъ, Скептиковъ, Новоплатониковъ,—далѣе средневѣковыхъ Номиналистовъ и Реалистовъ и наконецъ Декарта, служащаго, какъ это авторъ показываетъ позже, исходною точкою для Локка въ его разработкѣ ученія объ идеяхъ.

Въ этомъ бѣгломъ взглядѣ авторъ руководится мыслью указать на различіе между идеею въ смыслѣ Платона какъ нѣчто объективно существующее, какъ самостоятельное, отъ ума независящее бытіе, доходящее до нашего сознанія въ видѣ своеродняго умственнаго произведенія, превышающаго всѣ представленія и понятія извлеченныя изъ опыта—и идеею въ смыслѣ новой философіи какъ терминъ обозначающій всякія вообще умственныя произведенія безразлично. Вмѣсто онтологическаго разбора идей новая философія обращаетъ свое вниманіе главнымъ образомъ на логическое и психологическое значеніе ихъ. Но и въ этой измѣненной формѣ, говоритъ авторъ, въ концѣ введенія, все еще обнаруживаются извѣстныя онтологическія и метафизическія стремленія, — чему доказательствомъ, по его мнѣнію, служитъ взглядъ Декарта на такъ называемыя врожденныя идеи, которыя были главнымъ предметомъ спора между Локкомъ и Лейбницемъ.

Изъ приведеннаго содержанія введенія оказывается, что авторъ сознавалъ ясно необходимость историческаго уразумѣнія разбираемаго вопроса. Но тѣмъ не менѣе слишкомъ бѣглый и поверхностный взглядъ введенія не могъ довести его до точной и отчетливой постановки вопроса, составляющаго предметъ спора между Локкомъ и Лейбницемъ. Кромѣ того въ этомъ введеніи поражаетъ полное отсутствіе какого либо намека на литературу изучаемаго предмета. Представивъ историческій взглядъ на ученіе объ идеяхъ со временъ Платона,—автору слѣдовало непремѣнно показать: въ какомъ состояніи находился этотъ вопросъ въ то время, когда его разрѣшеніемъ занимались Локкъ и Лейбницъ, и какъ по настоящее время историки философіи смотрятъ на споръ между этими мыслителями. Это было тѣмъ болѣе необходимымъ, что существуютъ нѣкоторыя очень интересныя сочиненія, которыя посвящены спеціально этому спору. Взглядъ автора на эти сочиненія былъ-бы необходимымъ для надлежащаго разъясненія его собственной точки зрѣнія на весь этотъ предметъ.

Объяснивъ въ введеніи въ общихъ чертахъ предметъ сочиненія, авторъ въ первыхъ семи главахъ (стр. 30—71) занимается изложеніемъ ученія *Локка* объ идеяхъ.

Глава I (стр. 30—32) упоминаетъ въ нѣсколькихъ словахъ о философскомъ образованіи Локка и указываетъ, слѣдуя Нурисону, на вліяніе разсужденія Декарта De la recherche de la Verité на сочиненіе Локка объ умѣ. Но этого равно интереснаго, какъ и поучительнаго отношенія Локка къ Декарту авторъ ближе не затрогиваетъ, переходя, послѣ приведеннаго бѣглаго замѣчанія, къ изложенію ученія самаго Локка.

Во II главѣ (стр. 32—36) авторъ прежде всего обращаетъ свое вниманіе на понятіе *идеи* у Локка. Результатомъ этого изученія служитъ положеніе, что Локкъ придаетъ термину *идея* вполнѣ субъективное значеніе, значеніе „феномена человѣческаго мышленія и знанія." На сколько однако Локкъ, тѣмъ не менѣе, этому *субъективному* феномену придаетъ значеніе объективное, т. е. когда и при какихъ условіяхъ Локкъ допускаетъ сходство и согласіе идей съ дѣйствительнымъ объективнымъ міромъ, — вопросъ капитальный для разъясненія взгляда Локка на сущность и понятіе идеи,— всего этого авторъ ближе не разбираетъ.

Глава III (стр. 36—49) изучаетъ вопросъ о происхожденіи идей по теоріи Локка. Авторъ указываетъ здѣсь на заслугу Локка, состоящую въ психологическомъ разборѣ этого вопроса,—и излагаетъ хоть кратко, но ясно и отчетливо его аргументацію противъ теоріи о прирожденныхъ началахъ ума. Результатъ этого изложенія сводится къ положенію, что Локкъ, хотя по принципу является противникомъ всякой прирожденности умственныхъ началъ, не есть однако „чистый сенсуалистъ" какъ обыкновенно полагаютъ (стр. 47), ибо онъ допускаетъ, что мы доходимъ къ извѣстнымъ идеямъ посредствомъ самаго ума и его „природныхъ способностей." „Локкъ, говоритъ авторъ (стр. 49), оспариваетъ прирожденныя идеи лишь на столько, на сколько онъ понимаетъ подъ этимъ понятіемъ объективныя познанія, непосредственно самимъ Богомъ данныя нашему уму." При томъ авторъ упо-

минаетъ, что въ этомъ отношеніи расходится съ мнѣніемъ Куно-Фишера, но критически не разъясняетъ этого разногласія, и вообще не доказываетъ убѣдительно, что его взглядъ вѣренъ и можетъ быть оправданъ словами самаго Локка.

Полемика Локка противъ прирожденныхъ идей составляетъ, по словамъ автора, только *негативную* сторону его ученія объ идеяхъ; она пополняется его положительнымъ взглядомъ на начало нашихъ идей и ихъ классификацію. Изложенію этихъ положительныхъ взглядовъ посвящены три слѣдующія главы сочиненія.

IV глава (стр. 49—54) затрогиваетъ почти только въ нѣсколькихъ словахъ ученій Локка о *sensation* и *reflexion*, причемъ авторъ указываетъ на свое разногласіе съ Шереромъ и согласіе съ Фризомъ, — авторами спеціальныхъ сочиненій о Локкѣ, — не разъясняя однако ближе спорнаго вопроса и не доказывая своего взгляда цитатами изъ Локка. Авторъ вообще только мимоходомъ указываетъ на подлинныя мѣста изъ сочиненій какъ здѣсь Локка такъ позже Лейбница и вовсе не придерживается столь необходимаго въ спеціальномъ критическомъ сочиненіи метода постояннаго оправданія своего изложенія чужихъ взглядовъ ссылкою на подлинныя изрѣченія изучаемыхъ мыслителей. Вслѣдствіе того читатель имѣетъ дѣло по большей части только съ догматическими утвержденіями автора, но не находитъ въ самомъ сочиненіи никакихъ данныхъ для критической оцѣнки вѣрности или невѣрности изложенныхъ взглядовъ. Уже вслѣдствіе этого недостатка сочиненіе автора не можетъ быть названо *критическимъ*.

Глава V (стр. 55—61) и VI (стр. 62—69), представляютъ бѣглый взглядъ на классификацію идей по Локку, на его различіе между *простыми* и *сложными, ясными* и *темными* идеями, равно какъ и на его ученіе о нѣкоторыхъ особенно важныхъ идеяхъ, каковы напр. идеи о *пространствѣ, времени, безконечности* и т. д. Эта часть сочиненія показываетъ, что авторъ ознакомился хорошо съ сочиненіемъ Локка,—но тѣмъ не менѣе страдаетъ, на равнѣ съ предшествующими частями,

недостаткомъ критическаго воззрѣнія на предметъ. Авторъ и здѣсь защищаетъ Локка противъ упрека въ одностороннемъ сенсуализмѣ,—но защита эта, хотя въ сущности основательна, не оправдана однако авторомъ критически; напротивъ авторъ увлекается въ противоположномъ направленіи до того, что высказываетъ положенія, расходящіяся не только съ духомъ Локковой теоріи, но и съ его подлинными изрѣченіями. Такъ напр. если авторъ на стр. 61 говоритъ: „Идеи не имѣютъ по Локку никакой аналогіи съ предметами, но суть лишь *формы* познанія нашей души (*ума*)." Подобнаго Кантіанизма никто до сихъ поръ въ Локкѣ не нашелъ,—а авторъ даже и не попытался оправдать этого положенія подлинными словами Локка.

Послѣдняя глава, посвященная Локку (VII стр. 69—71) имѣетъ въ виду представить общія заключенія о теоріи Локка, — но мы здѣсь не находимъ ничего больше, кромѣ повторенія приведенныхъ выше, довольно скудныя замѣчанія автора объ общемъ характерѣ Локковой теоріи.

Вторая половина сочиненія (отъ VIII до XIV главы) посвящена *Лейбницу*. И здѣсь авторъ въ VIII главѣ (стр. 72—76) прежде всего обращаетъ свое вниманіе на понятіе *идеи* у Лейбница. Въ этомъ отношеніи соглашается съ Фуше-де Карей „что ученіе объ идеяхъ Лейбница есть дальнѣйшее преобразованіе Платоновой идеологіи, очищенной со всѣхъ слѣдовъ пантеизма", — и старается вслѣдъ за симъ уяснить это „объективное" пониманіе идеи у Лейбница намекомъ на его *монадологію*. Но намекъ этотъ до того бѣглый, что о *критическомъ* разъясненіи отношенія ученія Лейбница объ идеяхъ къ его монадологіи рѣчи быть не можетъ. Подобнаго разъясненія, по этому же самому поводу, мы и не находимъ въ слѣдующей IX главѣ (стр. 76—88), гдѣ авторъ вторично затрогиваетъ этотъ предметъ, разбирая вопросъ объ отношеніи прирожденныхъ идей у Лейбница къ его монадамъ. Въ этой же IX главѣ авторъ стремится ближе уяснить существенный предметъ спора между Лейбницемъ и Локкомъ и доводитъ въ этомъ отношеніи къ заключенію, что между результатами изслѣдованій обоихъ мыслителей, нѣтъ „прин-

ципіальной дилеммы (стр. 85)"; что относительно „фактической прирожденности идей между Локкомъ и Лейбницемъ не существуетъ разногласія (стр. 87)." Тѣмъ не менѣе однако авторъ не согласенъ съ мнѣніемъ Гартенштейна, который этотъ споръ называетъ прямо *ein Wortstreit.* Авторъ напротивъ, не смотря на приведенныя положенія въ полемикѣ противъ Гартенштейна признаетъ, что между обоими мыслителями „есть разница и разница существенная, хотя тонкая." Но мы снова напрасно ищемъ надлежащаго критическаго разъясненія этой разницы, — ибо нѣсколько строкъ, слѣдующихъ за этимъ заявленіемъ не достаточны для подобнаго разъясненія. Авторъ въ самомъ дѣлѣ говоритъ (стр. 88), что „субъективный элементъ идей, существенная ихъ форма есть природная и первоначальная собственность или способность нашего ума по Локку," между тѣмъ у Лейбница „объективный элементъ, содержаніе идей врождены человѣческому уму," — но авторъ не основываетъ этого различія взглядовъ обоихъ мыслителей на ихъ собственныхъ изрѣченіяхъ и вообще не уясняетъ ближе значенія и содержанія его.

Въ четырехъ слѣдующихъ главахъ: X (стр. 88—96), XI (стр. 97—102), XII (стр. (102—109) и XIII (стр. 110—115), авторъ излагаетъ довольно подробно, хотя по большей части чисто догматически, дальнѣйшее содержаніе ученія Лейбница объ идеяхъ. Читатель получаетъ здѣсь общее понятіе о гипотезѣ Лейбница относительно незамѣтно малыхъ представленій, дѣйствующихъ въ нашемъ духѣ, о его классификаціи идей, о его ученіи о сложныхъ идеяхъ, о его взглядахъ на идею субстанціи, на тождество сознанія, на критеріумъ истины и тому подобные вопросы. При томъ слѣдуетъ замѣтить въ пользу автора, что онъ, не смотря на краткость и бѣглость своего изложенія, постоянно сравниваетъ взгляды Лейбница съ Локковыми, указывая то на различіе, то на сходство существующія между ними. Но все это излагается авторомъ и въ этихъ главахъ чисто догматически безъ всякой даже попытки критическаго разбора представленныхъ взглядовъ и сравнительной оцѣнки ихъ философскаго значенія.

Послѣдняя XIV глава (стр. 116—123) представляетъ общія заключенія автора относительно изучаемаго предмета, но все содержаніе этихъ заключеній сводится къ простому повторѣнію того положенія, что между Локкомъ и Лейбницомъ есть только „кажущаяся" и не дѣйствительная дилемма, что истиннымъ поводомъ ихъ разногласія служитъ только разная точка зрѣнія, разный „духовый уголъ зрѣнія", который однако не устраняетъ согласія относительно послѣднихъ результатовъ ихъ изслѣдованій. И эти заключительныя замѣчанія повторяются авторомъ безъ всякой попытки критическаго уясненія ихъ содержанія и философскаго значенія.

Таково содержаніе перваго изъ представленныхъ сочиненій. Изъ него оказывается, что авторъ внимательно прочиталъ сочиненія Локка и Лейбница, касающіяся ихъ ученій объ идеяхъ и довольно основательно ознакомился съ этими ученіями. Но отсутствіе почти всякой философской критики при сравненіи Локка съ Лейбницемъ, вообще отсутствіе строго научнаго метода при разборѣ и изложеніи предмета не даетъ факультету права наградить автора ни золотою, ни серебряною медалью. Съ другой же стороны трудолюбіе автора, добросовѣстное изученіе сочиненій относящихся къ данному предмету и наконецъ побольшей части вѣрное, хотя и бѣглое изложеніе взглядовъ знаменитыхъ мыслителей вполнѣ заслуживаютъ поощренія, — и по этому честь имѣю предложить факультету удостоить сочиненіе съ эпиграфомъ Γνῶθι σεαυτόν *почетнаго отзыва.*

II.

Бо́льшею научною зрѣлостью и критическимъ духомъ отличается второе изъ представленныхъ сочиненій съ эпиграфомъ изъ *Канта.* Но къ сожалѣнію авторъ по неизвѣстнымъ причинамъ не воспользовался своими способностями для разработки предложенной факультетомъ темы, но съ преувеличенною самоувѣренностью произвольно съ одной стороны расширилъ а съ другой ограничилъ предѣлы изслѣдованія, —

такъ, что въ концѣ концовъ его сочиненіе касается только мимоходомъ темы заданной факультетомъ. Вмѣсто критическаго сравненія ученій Локка и Лейбница объ идеяхъ, авторъ представляетъ рядъ замѣчаній о взглядахъ Платона, Локка, Лейбница, Канта, Милля, Лотце, Лянге, Вундта и другихъ на такъ называемыя *врожденныя* идеи. Заданная тема говоритъ исключительно о Локкѣ и Лейбницѣ, — авторъ же говоритъ больше о взглядахъ Канта, Милля и многихъ другихъ новѣйшихъ мыслителей, чѣмъ о Локкѣ и Лейбницѣ. Съ другой же стороны тема имѣетъ въ виду все ученіе объ идеяхъ, между тѣмъ авторъ ограничивается въ своихъ замѣчаніяхъ произвольно однимъ вопросомъ о *врожденныхъ* идеяхъ, составляющимъ только часть общаго ученія объ идеяхъ. Авторъ въ самомъ дѣлѣ стремится въ *Введеніи* къ своему сочиненію оправдать это произвольное отношеніе къ заданной темѣ особою доктриною о разницѣ существующей будьто-бы между *историческимъ и критическимъ* изслѣдованіемъ (стр. I и слѣд.). Но примѣненіе этой доктрины къ данному предмету равнымъ образомъ произвольно и натянуто. *Историческое* изслѣдованіе, говоритъ авторъ, имѣетъ, или по крайней мѣрѣ должно имѣть характеръ чисто *объективный*. Критическая оцѣнка, сужденія объ историческихъ фактахъ по автору вовсе не умѣстны. Научныя теоріи прошедшаго, равно какъ и дѣйствія историческихъ дѣятелей не должны быть оцѣниваемы съ точки зрѣнія современныхъ понятій, но только представлена какъ звѣно въ послѣдовательномъ ходу историческаго развитія. Ньютоновской теоріи теплоты или химическихъ теорій флогистона, по автору, не слѣдуетъ критиковать; слѣдуетъ только представить объективно ихъ содержаніе съ точки зрѣнія того времени, въ которомъ онѣ возникли. Подобнымъ образомъ историкъ, по мнѣнію автора, — повторяющаго здѣсь безъ критики доктрины нѣкоторыхъ позитивистическихъ философовъ исторіи, — говоря о дѣйствіяхъ знаменитыхъ дѣятелей, не долженъ употреблять такихъ эпитетовъ какъ добрый, великій, честный, благородный и т. п. — но представлять *объективно* факты, а оцѣнку ихъ предоставить читателю. Это доводитъ автора къ заключенію, что и въ ис-

торіи философіи „введеніе философской критики въ оцѣнку философскихъ ученій неосновательно.” И въ этомъ отношеніи, по автору, задача сводится исключительно къ объективному изложенію взглядовъ знаменитыхъ мыслителей. Этому *историческому* изслѣдованію авторъ противопоставляетъ *критическое*, которое снова, по его словамъ, оцѣниваетъ данный предметъ исключительно съ точки зрѣнія современныхъ понятій. А такъ какъ факультетская тема говоритъ только о *критическомъ* сравненіи ученій Локка и Лейбница объ идеяхъ, то авторъ счелъ себя въ правѣ представить вопросъ о происхожденіи идей съ точки зрѣнія *современныхъ* взглядовъ, а для этого, продолжаетъ онъ, нельзя ограничиваться ученіями Локка и Лейбница, но слѣдуетъ преимущественно обратить вниманіе на Канта, Милля и другихъ.

Не вдаваясь вовсе въ разборъ этого произвольнаго дуализма между исторіею и критикою, такъ какъ не трудно понять что исторія безъ критики лишена всякаго теоретическаго и практическаго интереса для современниковъ, а современная критика безъ исторіи есть карточное зданіе безъ твердыхъ фундаментовъ, скажу только, что факультетъ требовалъ отъ студентовъ, занимающихся философіею критической разработки ученій Локка и Лейбница именно для того, чтобы ихъ научно подготовить къ оцѣнкѣ новѣйшихъ философскихъ ученій познанія. Чѣмъ важнѣе для автора Кантъ и Милль, тѣмъ основательнѣе слѣдовало ему изучать Лейбница и Локка, — ибо иначе Кантъ и Милль останутся для него непонятными и онъ не найдетъ твердой опоры для ихъ критической оцѣнки.

Уже вслѣдствіе этого отступленія отъ заданной факультетомъ темы, совершеннаго авторомъ вполнѣ сознательно, такъ какъ онъ самъ разсуждаетъ объ этомъ отступленіи на стр. VI,—нельзя его сочиненія наградить медалью. Но и при болѣе снисходительномъ отношеніи къ этому измѣненію темы, сочиненіе въ томъ видѣ, въ какомъ оно представлено факультету, не моглобы быть награждаемо медалью по разнымъ методологическимъ и другимъ научнымъ недостаткамъ.

Обширное *Введеніе* обнимающее LIV страницъ, авторъ посвятилъ въ самомъ дѣлѣ вполнѣ Локку и Лейбницу. Умственная генеалогія обоихъ этихъ мыслителей составляетъ главное содержаніе этого введенія. Чтобы объяснить разный характеръ философствованія Локка и Лейбница, эмпирическое направленіе перваго и дедуктивизмъ послѣдняго, авторъ говоритъ обширно о различіи существующемъ въ умственномъ отношеніи между Англичанами и Нѣмцами, указываетъ на фактъ, что въ Англіи процвѣтываютъ главнымъ образомъ опытныя науки, въ Германіи же философская спекуляція и математика,—что семейство Локка занималось по преимуществу жизненною практикою, торговлю и т. д., между тѣмъ какъ Лейбницъ принадлежалъ къ профессорскому семейству и самъ какъ и отецъ его былъ юристомъ. При томъ авторъ затрогиваетъ въ нѣсколькихъ словахъ и вопросъ о словянскомъ происхожденіи Лейбница, высказываясь въ пользу мнѣнія, что его семейство происходило изъ саксонскихъ Лужичанъ.

Введеніе это во многихъ отношеніяхъ интересно, хотя, какъ оказывается изъ его содержанія, оно находится только въ очень отдаленной связи какъ съ заданною темою такъ и съ предметомъ изучаемымъ самимъ авторомъ. При томъ слѣдуетъ замѣтить, что авторъ тоже вовсе не упоминаетъ о своихъ литературныхъ пособіяхъ. Тѣмъ не менѣе главная заслуга этого введенія состоитъ въ томъ, что авторъ въ немъ болѣе говоритъ о Локкѣ и Лейбницѣ, чѣмъ во всемъ остальномъ сочиненіи.

Сіе послѣднее состоитъ изъ XII главъ, имѣющихъ видъ отдѣльныхъ бѣглыхъ очерковъ и замѣчаній о разныхъ предметахъ, находящихся въ связи съ вопросомъ *о врожденныхъ идеяхъ*.

И такъ глава I (стр. 1—12) подъ общимъ заглавіемъ: *Образованіе идей* упоминаетъ въ нѣсколькихъ словахъ о Локковомъ ученіи объ идеяхъ, подвергаетъ критикѣ его теорію о пасивности ума съ точки зрѣнія новѣйшей физіологіи (такъ авторъ примѣняетъ требованіе исторической объективности къ взглядамъ Локка!), указываетъ на нѣкоторыя противо-

речія этой теоріи съ изреченіями самаго Локка, упоминаетъ въ нѣсколькихъ словахъ о критикѣ Лейбница и о его пополненіи сенсуалистическаго положенія: nihil est in intellectu quod non fuerit in sensu, поправкою: nisi intellectus ipse, заключающую въ себѣ его теорію врожденныхъ идей.

Глава II (стр. 13—24) озаглавлена: *Врожденныя идеи у Платона, Лейбница и Канта,* но въ сущности авторъ упоминаетъ здѣсь только о существованіи Платоновой идеологіи, представляетъ потомъ совершенно бѣглый взглядъ на ученіе Лейбница о врожденныхъ идеяхъ, чтобы наконецъ главную часть этой статьи посвятить Канту и его взглядамъ на врожденныя начала умственной дѣятельности.

Глава III (стр. 25—33) имѣетъ предметомъ *Критику доказательствъ врожденныхъ идей.* Доказательства врожденныхъ идей авторъ сводитъ къ тремъ слѣдующимъ: 1) признаніе всѣми людьми содержанія врожденныхъ идей, 2) выводъ этого содержанія изъ ума безъ участія опыта, и наконецъ 3) ихъ очевидность. Представляя Локковый разборъ этихъ доказательствъ, авторъ доходитъ къ заключенію, что Локкъ опровергнулъ первые два доказательства окончательно,—но этого опроверженія авторъ не развиваетъ ближе, и не оправдываетъ своихъ заключеній подлинными словами Локка. Что же касается до третьяго доказательства, — *очевидности,* — то авторъ указываетъ на несостоятельность критики Локка. Спеціальному же разбору этого доказательства посвящаетъ слѣдующую IV главу (стр. 33—55), озаглавленную: *Новѣйшая критика врожденныхъ правдъ и математическія аксіомы.* Въ этой главѣ авторъ, неупоминая уже ни словомъ о Локкѣ и Лейбницѣ, трактуетъ довольно обширно о спорѣ по этому вопросу между Джонъ Стюартомъ Миллемъ и Уэвелемъ, равно какъ и о взглядахъ Альберта Лянге на положеніе Милля о эмпирическомъ началѣ математическихъ аксіомъ. Въ заключеніи этой главы авторъ высказывается впользу приведеннаго эмпирическаго взгляда объ опытномъ началѣ математическихъ истинъ и стремится даже оправдать этотъ взглядъ разборомъ логической сущности конкретныхъ, общихъ и абстрактныхъ понятій. Но эта попытка — сводя-

щаяся къ тавтологическому положенію, что всеобщность математики истекаетъ изъ всеобщаго значенія предметныхъ свойствъ, изучаемыхъ математикою, — вовсе не доказываетъ истины эмпирическаго взгляда автора — такъ какъ она не способна уяснить съ эмпирической точки зрѣнія того факта, почему умъ нашъ непосредственно понимаетъ неоспоримость предлагаемыхъ ему математическихъ и логическихъ аксіомъ и признаетъ за ними истину независимо отъ опытнаго оправданія ихъ содержанія.

Слѣдующія шесть главъ отъ V до X (стр. 56—135) посвящаются авторомъ особому изученію понятій *пространства* (стр. 56—79), *времени* (стр. 79—89), *безконечности* (стр. 90—105), *причины и слѣдствія* (стр. 105—118), *субстанціи* (стр. 118—128) и *личнаго тождества* (стр. 129—135). Во всѣхъ этихъ статьяхъ или вовсе не упоминается о Локкѣ и Лейбницѣ или упоминается о нихъ только мимоходомъ. Болѣе же всего авторъ обращаетъ здѣсь вниманіе на взгляды Канта, Милля и Тэна, Дельбёфа, Лотце, Вундта и другихъ философовъ и физіологовъ, равно какъ на этнографическія изслѣдованія Тайлора и Лебока. Содержаніе этихъ статей довольно интересно; оно свидѣтельствуетъ о начитанности автора и о довольно ясномъ усвоеніи себѣ въ особенности эмпирическихъ взглядовъ нашего времени по приведеннымъ предметамъ. Но стремленіе автора разрѣшить окончательно всѣ трудные вопросы, затронутые въ этихъ главахъ, не по его силамъ. Для этого не достаточно читать безъ разбора и довольно хаотически сочиненія новѣйшихъ авторовъ, но слѣдуетъ прежде всего систематически и основательно изучать исторію философіи. Добросовѣстная и всесторонняя разработка заданной факультетомъ темы послужила бы автору самымъ лучшимъ подготовленіемъ къ болѣе зрѣлому и болѣе самостоятельному изученію затронутыхъ важныхъ философскихъ вопросовъ. Тѣмъ не менѣе слѣдуетъ признать, что въ замѣчаніяхъ автора и вообще въ его разсужденіяхъ, вмѣстѣ съ преувеличенною самоувѣренностью и догматическимъ довѣріемъ Миллю и другимъ мыслителямъ эмпирическаго направленія, обнаруживаются и неоспоримыя философ-

скія способности, которыя, при соотвѣтственномъ систематическомъ образованіи, могли бы изъ автора сдѣлать со временемъ очень полезнаго труженика на поприщѣ философіи.

Къ этому-же заключенію приводятъ и послѣднія двѣ главы сочиненія, изъ которыхъ первая (XI стр. 135—147) озаглавлена: *Результатъ критики*, а вторая (XII стр. 147—163): *Матерія и Сила.* Почему авторъ послѣдній вопросъ, разборъ взглядовъ на матерію и силу, помѣстилъ послѣ главы излагающей *результаты* — трудно понять, тѣмъ труднѣе, что онъ здѣсь возвращается снова отъ части къ Лейбницу и Локку, упоминая о монадологіи перваго, о взглядѣ послѣдняго на матерію и силу. Въ статьѣ же о *Результатъ критики* авторъ представляетъ бѣглый взглядъ на вопросъ о врожденныхъ идеяхъ, указываетъ на заслуги Лейбница, Локка, Канта и другихъ мыслителей, при разъясненіи этого вопроса и сводитъ свои воззрѣнія къ положенію (стр. 136), что теорія врожденныхъ идей не можетъ удержаться съ точки зрѣнія современной философіи. Современная философія, говоритъ авторъ, иначе ставитъ вопросъ и иначе его рѣшаетъ. „Теперь, продолжаетъ онъ, не спрашиваютъ: существуютъ-ли врожденныя идеи и какія онѣ? но: существуютъ-ли врожденныя условія познавательной дѣятельности и какія они? Разница между этими вопросами большая. Новая метафизика даетъ отрицательный отвѣтъ на первый вопросъ и утвердительный на второй." Результатъ, какъ оказывается, по своему содержанію совершенно вѣренъ и ясенъ, — но къ сожалѣнію не выведенъ изъ *критическаго сравненія ученій Локка и Лейбница объ идеяхъ.*

Ежели произвольное отступленіе отъ заданной факультетомъ темы, равно какъ и неудовлетворительное разрѣшеніе избраннаго самимъ авторомъ предмета не позволяетъ наградить его сочиненія ни золотою, ни серебряною медалью, то однако съ другой стороны, принимая во вниманіе не только философскія способности автора, но и его начитанность, равно и стремленіе къ изученію самыхъ основныхъ вопросовъ философіи, я нахожу возможнымъ предложить факуль-

тету удостоить и это сочиненіе съ эпиграфомъ изъ *Канта* *почетнаго отзыва.*

Такимъ образомъ въ заключеніе моего отзыва честь имѣю просить факультетъ наградить оба сочиненія представленныя на тему: Критическое сравненіе ученій Локка и Лейбница объ идеяхъ — *почетными отзывами.*

Г. Струве.

ОТЗЫВЪ

Профессора ГАНИНА о сочиненіи студента Оттона Михайловича, окончившаго полный курсъ наукъ по естественному отдѣленію физико-математическаго факультета.

Сочиненіе съ эпиграфомъ: „Sunt namque....", написанное для соисканія медали на заданную факультетомъ тему: „представить описаніе устройства кровеносной системы пьявки" составлено преимущественно на основаніи самостоятельныхъ наблюденій автора, и отчасти на основаніи литературныхъ данныхъ, имѣвшихся до сихъ поръ въ наукѣ. Въ 1-й главѣ сочиненія: „Литературныя данныя о кровеносной системѣ пьявки" разбирается въ послѣдовательномъ порядкѣ историческій ходъ развитія нашихъ свѣдѣній по заданному вопросу: здѣсь разбираются работы *Gratiolet*, *Brandt'a* и *Ratzeburg'a*, *Moquin-Tandon'a*, *Лейдига*, *Леукарта*. Главныя, классическія сочиненія проштудированы авторомъ самостоятельно; свѣдѣнія же о болѣе старыхъ и имѣющихъ только историческое значеніе работахъ авторъ почерпаетъ главнымъ образомъ изъ сочиненія *Мильнъ Эдварса* (Leçons sur la physiologie et l'anatomie comparée de l'homme et des animaux). Наиболѣе цѣнную въ научномъ отношеніи часть разбираемаго сочиненія составляетъ содержимое 2-й его главы: „описаніе кровеносной системы пьявки (Aulostomum) въ морфологическомъ и топографическомъ отношеніяхъ.". Здѣсь излагается устройство сосудистой системы пьявки преимущественно на основаніи самостоятельныхъ наблюденій автора, причемъ и все прежде извѣстное въ наукѣ тщательно имъ

провѣрено. Значительное число новыхъ, морфологическихъ фактовъ, добытыхъ самимъ авторомъ сочиненія, перечисляются имъ въ концѣ сочиненія въ видѣ приложенія; здѣсь-же онъ перечисляетъ и тѣ, прежде извѣстные факты, которые онъ только исправляетъ. Такой же научный характеръ имѣетъ и та, бо́льшая часть 3-й главы сочиненія, гдѣ рѣчь идетъ о распредѣленіи сосудовъ въ различныхъ органахъ пьявки; другая же меньшая часть той же главы, гдѣ говорится о микроскопическомъ строеніи и развитіи кровеносной системы не заключаетъ въ себѣ не только ничего новаго, но, къ сожалѣнію, въ ней нѣтъ даже и того, что должно быть, на основаніи уже извѣстнаго въ наукѣ въ этомъ отношеніи. Послѣдняя, 4-я глава сочиненія: „сравнительныя данныя о сосудистой системѣ пьявокъ вообще" составлена довольно удовлетворительно на основаніи работъ *Dorner'a*, *Лейдига*, *Леукарта*. Къ разбираемому сочиненію приложены двѣ большихъ таблицы, большей частью самостоятельныхъ рисунковъ, значительно поясняющихъ строеніе кровеносной системы пьявокъ. Принимая во вниманіе что представленное сочиненіе удовлетворительно разрѣшаетъ большую часть вопросовъ, требуемыхъ факультетской темой, мнѣ кажется будетъ справедливо, если физико-математическій факультетъ будетъ ходатайствовать предъ Совѣтомъ Университета о награжденіи автора сочиненія, эпиграфъ котораго: „Sunt namque...." *золотой* медалью. Кромѣ того я нахожу полезнымъ, сдѣлавъ указанныя мною исправленія, напечатать сочиненіе это въ *Университетскихъ Извѣстіяхъ*, о чемъ и прошу факультетъ ходатайствовать предъ Совѣтомъ Университета.

Проф. *М. Ганинъ.*

20 Августа 1880 г.

ОТЗЫВЪ

Профессора Н. СОНИНА о сочиненіи студента Ренкавка Болеслава, подъ заглавіемъ „интегрированіе полныхъ дифференціальныхъ уравненій" съ эпиграфомъ: „errare humanum est."

Сочиненіе начинается краткимъ введеніемъ, въ которомъ авторъ заявляетъ что главными источниками ему послужили труды Дюбуа Реймона и мой „дѣльно обработанный" курсъ дифференціальныхъ уравненій. Къ счастію, автору остались не безъизвѣстны и другіе источники, какъ показываетъ текстъ; но къ сожалѣнію, высказавъ комплиментъ моему курсу, авторъ не пользовался многими изъ моихъ указаній.

Въ § 1 выведены условія интегрируемости полнаго дифференціальнаго уравненія съ $n + 1$ перемѣнными и доказано, что уравненіе, полученное изъ интегрируемаго чрезъ преобразованіе независимыхъ перемѣнныхъ, удовлетворяетъ своимъ условіямъ интегрируемости.

Въ § 2 говорится о геометрическомъ представленіи полнаго дифференціальнаго уравненія съ тремя перемѣнными и интегрирующемъ множителѣ такого уравненія.

Въ § 3 изложены способы Эйлера, Якоби и Коши интегрированія полныхъ дифференціаловъ и разобранъ случай, когда интегрирующій множитель зависитъ только отъ двухъ перемѣнныхъ.

Четыре слѣдующіе параграфа посвящены изложенію способовъ Эйлера, Натани, Дюбуа-Реймона и обобщеннаго послѣд-

нимъ способа Бертрана въ приложенiи къ уравненiямъ съ тремя перемѣнными. Излагая обобщенный способъ Бертрана, авторъ доказываетъ при посредствѣ весьма сложныхъ вычисленiй два весьма простыя предложенiя и наконецъ удачно анализируетъ прiемъ, предложенный г. Ильинымъ.

Три слѣдующiе параграфа (8, 9 и 10) посвящены обобщенiю способовъ Эйлера, Натани и Дюбуа-Реймона на случай уравненiй съ nперемѣнными.

Въ § 11 предложена сравнительная оцѣнка всѣхъ способовъ и наконецъ послѣднiй § 12 посвященъ частнымъ примѣрамъ и занимаетъ почти третью часть всей работы. Изложенiе почти вездѣ ясное и языкъ вполнѣ правильный; всѣ вычисленiя выполнены точно. Къ сожалѣнiю можно указать нѣсколько важныхъ промаховъ въ содержанiи. Такъ при изложенiи способовъ Натани и Дюбуа-Реймона не указано на роль условiя интегрируемости; при изложенiи способа Бертрана упущено изъ виду, что къ системѣ уравненiй, составленной Бертраномъ, прилагается принципъ послѣдняго множителя.

Важность этихъ упущенiй обнаружилась на примѣрахъ въ § 12. Такъ авторъ совершенно неосновательно утверждаетъ, что къ первому общему уравненiю этого § не можетъ быть приложенъ способъ Бертрана, тогда какъ еще въ 1871 г. мнѣ случилось интегрировать это уравненiе по способу, въ существѣ не отличающемуся отъ способа Бертрана.

На странинѣ 67 авторъ приводитъ уравненiе, которое потомъ интегрируетъ по способу Натани, не замѣчая, что оно вообще не удовлетворяетъ условiю интегрируемости. Именно по этой послѣдней причинѣ приложенiе способовъ Эйлера и Дюбуа-Реймона оказалось безуспѣшнымъ. Уравненiе на стр. 69, по мнѣнiю автора, не интегрируется по способамъ Эйлера и Натани; но для того чтобы сдѣлать такое заключенiе слѣдовало надлежаще изучить условiе интегрируемости. На стр. 76 авторъ не умѣетъ найти втораго интеграла системы Бертрана, доставляемаго принципомъ послѣдняго множителя (*). Метода

(*) Впрочемъ и помимо этого принципа уравненiе на стр. 77, которое, по автору, „интегрируется весьма трудно", въ дѣйствительности интегрируется непосредственно, что весьма легко замѣтить.

Дюбуа-Реймона авторъ почти не прилагаетъ въ § 12, упоминая всегда о сложности формулъ къ которымъ онъ приводитъ, что несправедливо, ибо авторъ повидимому забылъ, что только для теоріи необходимо употребить подстановку $\zeta = \zeta_0 + (x - X_0) t$, а въ приложеніяхъ X_0 и ζ_0 могутъ быть избраны болѣе или менѣе произвольно. По разсмотрѣніи одного § 12 можно уже сдѣлать заключеніе, что авторъ не далъ себѣ надлежащаго отчета объ особенностяхъ различныхъ способовъ и не всегда умѣетъ пользоваться простѣйшими пріемами. Это послѣднее замѣчаніе можно приложить и къ доказательствамъ двухъ предложеній въ § 7.

Такимъ образомъ попытку автора обнаружить на частныхъ примѣрахъ особенности различныхъ способовъ, какъ было предложено въ темѣ, слѣдуетъ считать неудавшеюся.

На основаніи этихъ замѣчаній сочиненіе съ эпиграфомъ: „errare humanum est", строго говоря, не заслуживаетъ награды выше почетнаго отзыва, т. е. принятія его за кандидатскую диссертацію.

Ординарный профессоръ *Н. Сонинъ.*

ОТЗЫВЪ

доцента И. ТРЕЙДОСЕВИЧА о диссертаціи студента Лессова Романа, написанной для полученія медали подъ заглавіемъ: „Обзоръ геологическихъ изслѣдованій, произведенныхъ въ Царствѣ Польскомъ со временъ Георгія Пуша по настоящее время, съ надписью: „Omnis omnia scire potest, sed omnis civis patriam agnoscere debet."

Въ введеніи къ этой диссертаціи авторъ даетъ краткій очеркъ геологическихъ трудовъ Сташица, Пуша, Цейшнера, Ремера, Гемпеля и Юркевича. Затѣмъ онъ разсматриваетъ подробно отдѣльныя формаціи, залегающія въ Царствѣ Польскомъ, а именно силурійскую, девонскую, каменноугольную, пермскую, тріаговую, юрскую, мѣловую, третичныя образованія, древнѣйшіе и новѣйшіе наносы. Изложеніе предмета довольно полное и ясное. Хотя въ трудѣ этомъ не упомянуто ничего о нѣкоторыхъ новѣйшихъ фактахъ, какъ напр. объ исключительномъ богатствѣ окаменѣлостей въ девонскихъ Клечановскихъ кварцитахъ, о залеганіи среднедевонскихъ известняковъ при деревнѣ Збржѣ, объ открытіи пласта мѣловой формаціи въ Лодзинскомъ уѣздѣ, однако нельзя не признать автору заслуги въ томъ, что онъ достаточно ознакомленъ съ описываемымъ имъ предметомъ и что его окончательныя заключенія вѣрны. Признавая поэтому вышеназванную дис-

сертацію, по ея содержанію, достойною почетнаго отзыва, нахожу только нужнымъ возвратить ее автору для исправленія редакціи и языка.

Варшава, 27 Августа 1880 г.

Доцентъ по каѳедрѣ геологіи и палеонтологіи
И. Трейдосевичъ.

Согласенъ съ мнѣніемъ *А. Лагоріо.*

ОТЗЫВЪ

экстраординарнаго Профессора ЗИГЕЛЯ о сочиненіи студента Афанасьева Владиміра.

На тему для соисканія медали по исторіи славянскихъ законодательствъ представлено одно сочиненіе съ девизомъ: Chaque société a son droit, qui se forme et se développe avec elle, qui change comme elle, et qui enfin suit toujours le mouvement de ses institutions, de ses moeurs et de ses croyances.

Согласно предложенной темѣ, состоящей въ выясненіи происхожденія, времени появленія и значенія такъ называемой Розенбергской книги, а также въ изложеніи содержанія ея, авторъ раздѣляетъ свое изслѣдованіе на 2 части. Первая (стр. 1—12) занимается внѣшней стороной памятника; вторая (12—76) заключаетъ въ себѣ изображеніе самаго юридико-политическаго быта, по скольку онъ намъ извѣстенъ изъ Розенбергской книги. Въ первой части авторъ удовольствовался почти только однимъ сжатымъ изложеніемъ результатовъ предшествовавшихъ работъ. Дѣйствительно, послѣ трудовъ Палацкаго, Ирѣчка и въ особенности Брандля, происхожденіе, время появленія и значеніе памятника опредѣлены такъ обстоятельно, что даже пересмотръ всѣхъ существующихъ рукописей едва-ли привелъ-бы къ новымъ даннымъ. Поэтому сжатое и ясное изложеніе уже извѣстнаго представляется здѣсь вполнѣ на своемъ мѣстѣ. Можно только сдѣлать одинъ упрекъ автору, что онъ не потрудился охарактеризовать различныя изданія Розенбергской книги.

Во второй части авторъ излагаетъ содержаніе въ извѣстной системѣ; онъ останавливается сперва на правѣ гражданскомъ (13—18), затѣмъ на государственномъ (18—22), на уголовномъ (23—29), на судоустройствѣ (30—36) и судопроизводствѣ (36—76). Система проведена почти безукоризненно; каждое юридическое начало изложено тамъ, гдѣ ему и быть надлежитъ. Что касается до пониманія иногда весьма туманнаго содержанія древнечешскаго памятника, то и здѣсь авторъ безупреченъ. Единственный, весьма впрочемъ извинительный у начинающихъ только изслѣдователей недостатокъ состоитъ въ томъ, что авторъ не изчерпалъ вполнѣ всего того, что было возможно. Такъ напр. авторъ не упоминаетъ объ общности имущества въ семьѣ, не смотря на § 52; онъ говоритъ, что объ устройствѣ опеки нѣтъ извѣстій, хотя имѣются нѣкоторыя указанія на это въ § 188; онъ жалуется на отсутствіе данныхъ объ исполненіи судебнаго рѣшенія, хотя въ §§ 14 и 15 существуютъ кой-какіе намеки на это. Необходимо, однако, замѣтить, что во всѣхъ этихъ мѣстахъ, которыми авторъ не воспользовался, имѣются только довольно неясные намеки на пропущенныя имъ юридическія начала. Такъ что авторъ, желавшій, какъ это замѣтно изъ цѣлаго изслѣдованія, представить только несомнѣнныя юридическія начала и не любившій вдаваться въ предположенія, могъ даже умышленно выпустить вездѣ мѣста, гдѣ нѣтъ вполнѣ ясныхъ указаній на тотъ или другой юридическій институтъ. Такимъ образомъ авторомъ вполнѣ удовлетворительно выполнена тема, предложенная для полученія медали; вслѣдствіе чего я и нахожу возможнымъ наградить представленное сочиненіе *золотою медалью.*

Экстраординарный профессоръ *Ѳ. Зигель.*

28 Августа 1880 г.

ОТЗЫВЪ

Доцента Ал. БЛОКА о диссертаціяхъ написанныхъ студентами Фердинандомъ Вагнеромъ и Иваномъ Голубевымъ.

На тему объ „устройствѣ французской администраціи по законамъ, изданнымъ съ 1789 года по настоящее время", представлено два сочиненія:

Одно изъ нихъ, съ эпиграфомъ: „L'administration n'a rien de spéculatif; c'est une science de pure application", начинается характеристикою политическихъ и общественныхъ условій, въ которыхъ находилась Франція до революціи 1789 года, а также важнѣйшихъ перемѣнъ, внесенныхъ этою революціею и позднѣйшими реформами. Данныя условія и перемѣны авторъ считаетъ аналогическими съ тѣми условіями и перемѣнами, которыя переживались и другими западно-европейскими государствами, кромѣ Англіи, гдѣ политическія и соціальныя отношенія издавна принаравливались къ насущнымъ потребностямъ общества, развивались медленно и постепенно, независимо отъ разныхъ искусственныхъ вліяній. Поэтому онъ находитъ особенно поучительнымъ сравненіе французской административной организаціи съ англійскою. Такое сравненіе дѣйствительно встрѣчается во всѣхъ частяхъ и отдѣлахъ его сочиненія. Разсматривая законодательство Франціи, авторъ послѣдовательно говоритъ сначала о главѣ государства, министрахъ, государственномъ совѣтѣ и нѣкоторыхъ другихъ органахъ центральной администра-

ціи,—затѣмъ о разныхъ территоріальныхъ дѣленіяхъ, о соотвѣтствующихъ имъ мѣстныхъ правительственныхъ властяхъ и органахъ самоуправленія, — наконецъ о военной силѣ государства Подъ каждою отдѣльною рубрикою онъ старается указать на положеніе разбираемаго вопроса въ дореволюціонную эпоху, прослѣдить дальнѣйшія конституціонныя и законодательныя измѣненія и объяснить современные французскіе порядки, которымъ противопоставляются англійскіе.

Рѣшеніе столь обширной и сложной задачи значительно облегчалось существованіемъ систематическаго сборника французсихъ административныхъ законовъ, а также крайнею разработанностью относящейся сюда юридической практики въ ученой литературѣ. Автору оставалось только воспользоваться этими богатыми матеріалами, сдѣлать изъ нихъ надлежащій выборъ, а потомъ расположить добытыя данныя въ такомъ порядкѣ, при которомъ они всего удобнѣе поддавались-бы научнымъ обобщеніямъ, сравненію и критикѣ.

Первая часть этой программы выполнена въ разсматриваемомъ сочиненіи удовлетворительно. Авторъ ознакомился съ главными источниками и литературными пособіями для своего труда, причемъ обнаружилъ умѣнье отдѣлять существенное отъ несущественнаго, что составляетъ далеко не послѣднее дѣло въ научныхъ занятіяхъ. Однако знакомство его съ матеріалами представляетъ нѣкоторые важные пробѣлы. а сдѣланная имъ оцѣнка разныхъ данныхъ отличается иногда большою несоразмѣрностью. Такъ на стр. 72 и слѣд. невѣрно сказано, что законодательному корпусу второй имперіи „не дано *никакого* рѣшительнаго участія въ дѣлѣ законодательства", что ему предоставлено „только *право иниціативы* законовъ", — на стр. 81, что „выраженіе «король Божіею милостью» весьма давно въ Англіи *не* существуетъ", — на стр. 106, что постановленія конституціонныхъ хартій 1814 и 1830 годовъ о министерской отвѣтственности „*вполнѣ одинаковы*", — что въ 1852 году Наполеонъ III былъ провозглашенъ „*безотвѣтственнымъ* наслѣдственнымъ императоромъ", —на стр. 135, что въ Англіи „военныя дѣйствія и личный составъ арміи находятся въ вѣдѣніи главнокомандую-

щаго и *отъ него вполнѣ зависятъ*"; — на стр. 148 и слѣд. нѣкоторые королевскіе *ордоннансы* временъ реставраціи и іюльской монархіи называются *законами;* на стр. 161 техническое выраженіе „règlements d'administration publique", обозначающее опредѣленный родъ административныхъ распоряженій, переводится словами „*проекты законовъ,* касающіеся общей администраціи." Подобныя ошибки объясняются недостаточно внимательнымъ изученіемъ источниковъ и пособій. Съ другой стороны авторъ, часто не пренебрегающій даже мелочными подробностями, упускаетъ изъ виду иныя весьма существенныя стороны вопроса, хотя въ книгахъ, которыми онъ пользовался, содержатся довольно обстоятельныя свѣдѣнія о послѣднихъ. Напримѣръ въ отдѣлѣ о „главѣ государства" (стр. 37—92) ничего не сказано о значеніи декретовъ и вообще объ административно-распорядительной власти нынѣшняго президента республики; въ отдѣлѣ о „министрахъ, ихъ значеніи и предметахъ вѣдомства" (стр. 93—139) вовсе не говорится о нѣкоторыхъ министерскихъ распоряженіяхъ, обязательныхъ не для однихъ подчиненныхъ чиновниковъ, но и для гражданъ и для суда, а также о многочисленныхъ совѣщательныхъ учрежденіяхъ, существующихъ при отдѣльныхъ министерствахъ; здѣсь только вскользь упомянуто (стр. 121) о правѣ министровъ „рѣшать нѣкоторые вопросы по административнымъ спорамъ", а въ дальнѣйшемъ изложеніи (стр. 191) это право приписывается только государственному совѣту и совѣтамъ префектуры; соотвѣтствующая функція префектовъ совершенно игнорируется авторомъ (ср. стр. 212 и слѣд.), который также слишкомъ мало останавливается на дѣятельности счетной палаты (стр. 199) и забываетъ сказать о способѣ назначенія генеральныхъ секретарей въ департаментахъ (стр. 244 и слѣд.); наиболѣе скудныя свѣдѣнія сообщаются объ устройствѣ англійскихъ органовъ для призрѣнія бѣдныхъ (стр. 278, 279), занимающихъ одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ въ системѣ самоуправленія; историческій очеркъ вопроса о назначеніи французскихъ мэровъ прерывается на законѣ 1871 года (стр. 291, 338 и сл.), между тѣмъ какъ законы 1874 и 1876 годовъ измѣнили спо-

собъ этого назначенія; отношенія главнокомандующаго арміи къ военному министру въ Англіи почти совсѣмъ не очерчены (ср. стр. 388), а на нихъ основывается зависимость англійскаго войска отъ парламента.

Въ исполненіи второй части вышеуказанной программы, т. е. въ научной группировкѣ собранныхъ данныхъ, авторъ не отличается большою самостоятельностью. Онъ придерживается вообще той нѣсколько избитой системы изложенія, которая встрѣчается въ большинствѣ французскихъ учебниковъ административнаго права. Но такая система, пригодная для изучающихъ это право съ практическою цѣлью, оказывается довольно неудобною съ точки зрѣнія теоретической, ибо нерѣдко произвольно раздѣляетъ однородные и соединяетъ разнородные элементы. Наиболѣе крупнымъ, но далеко не единственнымъ примѣромъ подобнаго произвола можетъ служить проведенное у автора рѣзкое отдѣленіе „центральной администраціи", къ которой повидимому отнесена и „законодательная власть", отъ „мѣстной", обнимающей какъ правительственные органы, такъ и органы самоуправленія (ср. стр. 30 и слѣд.). Вмѣсто этой безполезной классификаціи, построенной на чисто внѣшнихъ признакахъ, слѣдовало-бы точнѣе опредѣлить границы, отдѣляющія дѣятельность правительства отъ законодательства съ одной стороны и отъ самоуправленія съ другой. Тогда сами собою выяснились-бы основныя черты, главныя особенности и важнѣйшіе недостатки французской администраціи. А теперь общіе взгляды, сравнительные выводы и критическія замѣчанія автора грѣшатъ не только отсутствіемъ самостоятельности, но и большою шаткостью, соединенною съ бездоказательностью. Такъ напримѣръ на стр. 64 безъ всякаго основанія говорится, что французская конституція 1791 года вводила „смѣшеніе законодательства съ исполненіемъ", — на стр. 78, что „всякое появленіе республики давало законодательству безусловный перевѣсъ надъ исполненіемъ" и т. д.,—на стр. 91, что въ Англіи „и рѣчи быть не можетъ о раздѣленіи законодательной, исполнительной и судебной властей," — на стр. 120, что во Франціи „законность, правильность и основа-

тельность всѣхъ министерскихъ постановленій находятъ до вольно гарантіи въ отвѣтственности министровъ", — на стр. 127, что „въ Англіи нѣтъ строго выработанной юридической отвѣтственности министровъ" — на стр. 185 и слѣд., что знаменитая 75-я статья конституціи VIII года „правильно регулировала отношеніе администраціи къ судамъ",—на стр. 189, что рѣшеніе административно-судныхъ дѣлъ „необходимо предоставить самой административной власти",—на стр. 201, что Англія „не выработала никакихъ правилъ" относительно пререканій между администраціею и юстиціею и относительно разрѣшенія административныхъ споровъ, — на стр. 210 и слѣд., что во времена директоріи „все поставлено на томъ пути, чтобы департаментъ имѣлъ какъ можно меньше независимости, а центральная власть какъ можно больше вліянія" (этому выводу прямо противорѣчитъ другой, помѣщенный на стр. 332), — на стр. 232 и слѣд., что до 1871 года генеральные совѣты не имѣли „ровно никакого значенія", — на стр. 248 и слѣд., что современная департаментская коммиссія „является дѣятельною помощницею генеральнаго совѣта, который вслѣдствіе ея установленія превращается въ собраніе постоянное", — на стр. 266, что англійскій институтъ мировыхъ судей „обезпечиваетъ графству вполнѣ правильное развитіе согласно мѣстнымъ условіямъ и потребностямъ"; на стр. 278 и слѣд. французскій округъ (arrondissement) почему-то сопоставляется съ англійскимъ союзомъ для призрѣнія бѣдныхъ (union), а на стр. 252 и 253 графства признаются „въ сущности единственнымъ административнымъ дѣленіемъ Англіи; на стр. 394 неосновательно дѣлается общій выводъ, что „французская административная организація черезчуръ перемѣнчива", что „*каждая* перемѣна конституціи или правленія отражается болѣе или менѣе *существенно* на *всѣхъ* ея институтахъ." Всѣ эти произвольныя, часто невѣрныя и иногда несогласимыя между собою заключенія авторъ не столько вывелъ изъ собранныхъ и приведенныхъ имъ самимъ фактовъ, съ которыми они не всегда вяжутся, — сколько вычиталъ у разныхъ французскихъ и нѣмецкихъ писателей. А мнѣнія данныхъ писателей нерѣдко

обусловливались интересами минуты, тенденціями отдѣльныхъ партій, наконецъ ложнымъ патріотизмомъ, надъ которыми авторъ не захотѣлъ или не съумѣлъ возвыситься въ своемъ изслѣдованіи.

Въ виду указанныхъ недостатковъ, къ которымъ присоединяются еще не совсѣмъ точная манера цитировать и значительная неправильность языка, сочиненіе это, не смотря на свою полноту и законченность, заслуживаетъ, по моему мнѣнію, только *серебряной медали*.

Другое сочиненіе имѣетъ слѣдующій эпиграфъ: „Кто хочетъ знать Францію, какъ она есть въ дѣйствительности, съ ея хорошей и дурной стороной; съ ея силой и слабостью, тотъ долженъ изучить ея административное устройство." Прежде чѣмъ приступить къ этому изученію, авторъ считаетъ нужнымъ сказать нѣсколько словъ о „принципахъ 1789 года" и о значеніи „администраціи вообще", причемъ обнаруживаетъ нѣкоторую пытливость ума, соединенную съ довольно слабою начитанностью. Онъ съ большими усиліями открываетъ вновь Америку, т. е. напримѣръ доходитъ до такихъ старыхъ и въ сущности неопредѣленныхъ выводовъ, какъ тотъ, что „администрація принадлежитъ къ проявленіямъ исполнительной власти въ государствѣ" (стр. 13), или какъ тотъ, что „и во Франціи есть администрація, которая находится въ извѣстномъ отношеніи къ правительству" (стр. 24), и подкрѣпляетъ эти выводы цитатами изъ случайно попавшихся ему подъ руку книгъ, иногда весьма сомнительнаго достоинства.

Впрочемъ какъ „принципы 1789 года", такъ и понятіе объ „администраціи вообще" оказываются почти излишними для дальнѣйшаго изслѣдованія. „Основываясь на всемъ вышесказанномъ объ администраціи вообще, говоритъ авторъ въ концѣ своего введенія (стр. 25), мы должны представить *прежде всего* краткій историческій очеркъ судьбы исполнительной власти во Франціи за послѣдній девяностолѣтній періодъ времени, а *потомъ* болѣе или менѣе подробную исторію центральной и мѣстной администраціи во Франціи, какъ *видовъ* этой исполнительной власти." Между тѣмъ *первый-же*

отдѣлъ сочиненія посвящается прямо „центральной администраціи", и только *первая глава* его составляетъ „краткую исторію исполнительной власти во Франціи за время отъ 1789 до 1879 года" (стр. 28 и слѣд.). Здѣсь рѣчь идетъ собственно только о высшихъ представителяхъ этой власти (короляхъ, императорахъ, президентахъ республики и т. п.), а „краткость" самой исторіи простирается до того, что въ ней совершенно умалчивается не только объ органическихъ сенатскихъ рѣшеніяхъ 1802 и 1804 годовъ, установившихъ пожизненное консульство и первую имперію, не только о многочисленныхъ измѣненіяхъ, которымъ подвергалась конституція 1852 года, но даже о нынѣ дѣйствующихъ конституціонныхъ законахъ 1875 года; остальное изложено неточно, съ большими ошибками; наконецъ о „средствахъ и формахъ проявленія исполнительной власти во Франціи" (стр. 46 и слѣд.) сообщаются очень скудныя и неопредѣленныя свѣдѣнія. Слѣдующая глава содержитъ въ себѣ „краткую исторію министровъ во Франціи" (стр. 48—99), въ которой всего больше и всего подробнѣе говорится о вопросѣ второстепенной важности, именно о числѣ членовъ министерства и о распредѣленіи между ними отдѣльныхъ департаментовъ (стр. 55—89). Этотъ вопросъ обыкновенно разрѣшался во Франціи *декретами* главы государства, слѣдовательно въ административномъ порядкѣ. Но авторъ почему то присвоиваетъ его „исключительно *законодательной* власти", а затѣмъ недоумѣваетъ, отчего въ сборникѣ французскихъ административныхъ законовъ, послѣ постановленій 1791 и 1795 годовъ, которыя онъ черезчуръ пространно излагаетъ, не встрѣчается „дальнѣйшихъ законодательныхъ распоряженій" относительно столь занимающаго его предмета. Ради подтвержденія своей догадки о томъ, что „возникновеніе новыхъ министерствъ во Франціи въ теченіи разсматриваемаго періода времени происходило на счетъ уменьшенія круга дѣятельности прежнихъ министерствъ", онъ не менѣе пространно исчисляетъ „аттрибуты" разныхъ министровъ по литературнымъ даннымъ 1864 года; болѣе позднихъ данныхъ у него не имѣлось. Общія министерскія функціи очер-

чены довольно хорошо, зато крайне несамостоятельно, а важный вопросъ о министерской отвѣтственности разсмотрѣнъ слишкомъ поверхностно и „кратко", причемъ встрѣчаются и неточности. Внутреннее устройство французскихъ министерствъ вовсе не затронуто въ сочиненіи. Въ третьей главѣ перваго отдѣла (стр. 99—171) авторъ говоритъ о составѣ, формахъ совѣщанія и формахъ рѣшеній государственнаго совѣта. Тутъ онъ сначала распространяется о различныхъ категоріяхъ, о числѣ, о способахъ назначенія и увольненія, о возрастѣ и другихъ условіяхъ поступленія, а также о жалованьи государственныхъ совѣтниковъ, рекетмейстеровъ и аудиторовъ, — затѣмъ останавливается на вопросахъ о томъ, кому въ разное время принадлежало предсѣдательство, кто были членами и чѣмъ занимались какъ въ общемъ собраніи, такъ и въ отдѣльныхъ секціяхъ. Говоря о предметахъ этихъ занятій, онъ касается и функцій государственнаго совѣта, которыя такимъ образомъ разсматриваются у него подъ рубрикою „о формахъ совѣщанія" и можетъ быть потому разсматриваются только съ чисто *формальной* стороны. Притомъ множество мелочей, частностей и подробностей естественно заслоняетъ главную сущность дѣла, такъ что авторъ изъ за деревьевъ не видитъ лѣса. Дѣйствительная роль государственнаго совѣта въ общемъ процессѣ управленія остается невыясненною. Значеніе административно-судныхъ дѣлъ (contentieux), подвѣдомственныхъ этому совѣту, а также существованіе и дѣятельность такихъ учрежденій, какъ судъ для пререканій (Tribunal des conflits) и счетная палата (Cour des comptes), совершенно игнорируются.

Подобный же характеръ носитъ и весь второй отдѣлъ сочиненія, посвященный „мѣстной администраціи." Онъ заключаетъ въ себѣ три главы, изъ которыхъ первая имѣетъ своимъ предметомъ департаментскую администрацію. Отмѣчу здѣсь не совсѣмъ логическое раздѣленіе этого предмета. „Сообразно со всѣмъ сказаннымъ о томъ, кто *въ разное время* завѣдывалъ администраціей въ департаментахъ, объясняетъ авторъ (стр. 179), настоящая глава должна распасться на нѣсколько параграфовъ, а именно: 1) устройство админи-

страціи департамента, 2) устройство центральной администраціи, съ находившимся при ней коммиссаромъ исполнительной директоріи, 3) префектъ, 4) совѣтъ префектуры и 5) генеральный совѣтъ департамента." Въ первыхъ двухъ параграфахъ, названія которыхъ довольно неудачны, такъ какъ могутъ породить недоразумѣніе, дѣйствительно разсматриваются различныя эпохи департаментскаго управленія. Зато префекты, совѣты префектуры и генеральные совѣты учреждены и всегда дѣйствовали лишь *одновременно;* слѣдовательно раздѣлять ихъ можно только въ догматическомъ изложеніи, а не въ историческомъ, котораго повидимому желаетъ придерживаться авторъ. Одностороннее и притомъ неправильное употребленіе историческихъ пріемовъ помѣшало ему точно опредѣлить всѣ обязанности префектовъ, хотя напримѣръ цѣлыя 24 страницы (216—239) потрачены на буквальное воспроизведеніе извѣстныхъ декретовъ 1852 и 1861 годовъ относительно „децентрализаціи", съ приложенными къ нимъ таблицами. Передача французскаго подлинника тутъ, какъ и въ другихъ мѣстахъ сочиненія, далеко не всегда вѣрна. Всѣ эти замѣчанія примѣняются и ко второй главѣ втораго отдѣла (стр. 291 и слѣд.), столь же нелогически раздѣленной на четыре параграфа, въ которыхъ послѣдовательно говорится объ администраціи дистрикта, объ администраціи кантона, о подпрефектѣ и объ окружномъ совѣтѣ. Стараясь опредѣлить функціи подпрефектовъ, авторъ только механически сопоставляетъ разныя данныя, заимствованныя изъ трехъ книгъ (стр. 307—322), вмѣсто того, чтобы по возможности обобщить ихъ. Удачнѣе другихъ является послѣдняя глава, касающаяся общинной администраціи (стр. 340—407), хотя и здѣсь есть нѣсколько промаховъ.

Въ заключеніе авторъ резюмируетъ свое длинное изслѣдованіе и бросаетъ общій взглядъ на административное устройство Франціи въ новѣйшую историческую эпоху. Взглядъ этотъ не лишенъ вѣрности; жаль только, что онъ не лежитъ въ основѣ всего предшествующаго изложенія и что оттого много проигрываютъ какъ выборъ, такъ и самая группировка матеріала.

Несовершенство даннаго сочиненія сознавалось самимъ авторомъ, который указываетъ и на главныя причины такого несовершенства. Въ предисловіи онъ заявляетъ, что важнѣйшими источниками и пособіями ему „приходилось пользоваться только урывками", что онъ „тратилъ даромъ много и безъ того короткаго времени на прочитываніе книгъ, содержащихъ въ себѣ самыя скудныя свѣдѣнія" (замѣчу въ скобкахъ, что такія книги ему не были рекомендованы), наконецъ—что онъ представляетъ свое сочиненіе „въ крайне сыромъ, необработанномъ и даже неоконченномъ видѣ." Эти слова подтверждаются сдѣланнымъ выше разборомъ. Прибавлю только то, что по всѣмъ признакамъ авторъ употребилъ большое количество труда и времени не безъ пользы для своего научнаго развитія. Поэтому я признаю его вполнѣ достойнымъ *почетнаго отзыва*.

Ал. Блокъ.

Августа 1880 года.

ОТЗЫВЪ

Профессора И. ЕФРЕМОВСКАГО о научномъ трудѣ студента 5-го курса медицинскаго факультета Залѣскаго Степана, подъ заглавіемъ: „Результаты провѣрки опытовъ Боннэ на суставахъ тазобедренномъ и колѣнномъ."

Въ представленномъ трудѣ авторъ задался мыслію провѣрить результаты, полученные Боннэтомъ при искуственномъ наливаніи суставовъ и опубликованные имъ въ извѣстномъ сочиненіи о болѣзняхъ суставовъ: „Traité des maladies des articulations." Мотивомъ къ провѣркѣ послужили: большой интересъ Боннетовскихъ отвѣтовъ, ихъ значеніе въ артропотологіи и недостатокъ сообщеній по этому предмету въ русской и польской медицинскихъ литературахъ.

Трудъ состоитъ изъ 3-хъ частей, изъ которыхъ въ первой заключается очеркъ относящейся къ предмету литературы, во второй описываются опыты на суставахъ тазобедренномъ и колѣнномъ и излагаются причины движеній, наблюдаемыхъ въ суставахъ трупа при искуственномъ наливаніи суставной полости, въ третьей разсматривается связь между явленіями опыта на трупѣ и явленіями, которыя наблюдаются на больныхъ при воспаленіи суставовъ.

Представленный трудъ и по изложенію и по результатамъ заслуживаетъ поощренія. Очеркъ литературы сдѣланъ сжато, то въ немъ заключается все, что относится къ дѣлу и что составляетъ современное достояніе науки. Изъ этого

очерка видно, что авторъ познакомился съ источниками изъ первыхъ рукъ, тщательно ихъ подобралъ и все существенное ясно изложилъ. Опыты искуственнаго наливанія суставовъ изложены подробно; они велись правильно и сообразно съ потребностію разнообразились; заключенія основаны на достаточномъ количествѣ опытовъ. Разсматривая причины движеній, наблюдаемыхъ въ суставахъ при искуственномъ наполненіи ихъ полости, авторъ значительно пополняетъ Боннэта и другихъ изслѣдователей, провѣрявшихъ его опыты, и даетъ болѣе правильное разъясненіе явленіямъ, происходящимъ при инъекціи суставовъ. Третій отдѣлъ труда посвященъ опредѣленію значенія, какое имѣютъ Боннетовскіе опыты въ артропатологіи. Авторъ разбираетъ здѣсь мнѣнія другихъ на счетъ связи между явленіями опыта и явленіями у кровати больныхъ, разсматриваетъ причины своеобразныхъ положеній, принимаемыхъ суставами при воспалительныхъ процессахъ, и отчасти на основаніи своихъ опытовъ, отчасти на основаніи клиническихъ наблюденій, излагаетъ по этому вопросу собственное мнѣніе. Изъ этого отдѣла видно, что авторъ обладаетъ зрѣлостью сужденій, достаточной критической подготовкой и умѣньемъ строить изъ данныхъ послѣдовательные выводы.

Что касается внѣшней стороны сочиненія, то будучи написано языкомъ вполнѣ безукоризненнымъ и яснымъ, оно удобно можетъ быть напечатано. Я считаю этотъ трудъ достойнымъ награды золотой медалью и позволяю себѣ рекомендовать его для напечатанія не только въ виду поощренія автора, но и въ виду научно практическаго интереса, который заключается въ разбираемомъ сочиненіи.

Варшава, 25 Августа 1880 г.

Проф. *И. Ефремовскій.*

Проф. Д-ръ *Э. Пржевоскій.*

ОТЗЫВЪ

экстраординарнаго Профессора ЧАУСОВА о работѣ на медаль, студента 5-го курса медицинскаго факультета Вассерцуга Давида, подъ заглавіемъ: „Мочевой пузырь, его положеніе, мышечныя волокна мочеваго пузыря. „Capsula pelvio-prostatica Retzii."

Мочевой пузырь, особенно его мышечная оболочка составляли предметъ очень частыхъ изслѣдованій. Достаточно припомнить: Lieutaud'а, Boyer'а, Meckel'я, Barkow'а, Kohlrausch'а, Mercier'а, Heule, Pettigrew'я и др. Наблюдатели, останавливаясь на мышечномъ слоѣ, обращали вниманіе: и на послойное расположеніе мышечной оболочки и на направленіе мышечныхъ пучковъ, и на вопросъ о *пузырномъ сфинктерѣ* (sphincter vesicae internus), — его существованіи и отношеніи къ сосѣднимъ мышечнымъ слоямъ. Такимъ образомъ-то мышечную оболочку принимали какъ *одинъ* слой (Lieutaud); то какъ два—наружный и внутренній (Boyer, Meckel, Luschka и др.); то три слоя: наружный—продольный, средній—циркулярный, и глубокій—продольно-петлистый, или просто петлистый (Barkow, Mercier, Hoffmann, Krause и друг.); то наконецъ— четыре слоя (Sabatier младшій): наружный слой—продольный, второй — овальныхъ волоконъ, третій — циркулярныхъ, четвертый — внутреннихъ продольныхъ волоконъ.

Изслѣдованіе Pettigrew'я о направленіи мышечныхъ волоконъ рѣзко выдѣлялось изъ прежнихъ взглядовъ. Авторъ показалъ, что мышечныя волокна пузыря, за исключеніемъ очень

немногихъ прямаго направленія, имѣющихъ мѣсто на передней и задней поверхности наружнаго слоя, имѣютъ направленіе, похожее на цифру 8, дѣлаютъ какъ бы двойную петлю. И мышечная оболочка пузыря, состоя изъ нѣсколькихъ слоевъ, представляетъ рядъ 8-образныхъ петель на разныхъ высотахъ пузыря.

Авторъ разсматриваемаго нами сочиненія, провѣряя ученіе о мышечной оболочкѣ пузыря вообще, обратилъ особенное вниманіе на изслѣдованіе Pettigrew'я. Матеріаломъ служили ему 80 препаратовъ мочевыхъ пузырей различнаго возраста (отъ 6-мѣсячнаго зародыша до 85-лѣтняго субъекта) и пола; изслѣдовались пузыри и отъ нѣкоторыхъ животныхъ.

Изслѣдованія убѣдили автора, что прямыя волокна—очень немногія—находятся въ наружномъ слоѣ передней и задней поверхности и что они нѣсколько увеличиваются кверху на счетъ глубже идущихъ боковыхъ волоконъ. Эти волокна занимаютъ средину указаннаго слоя. Другія волокна его, лежащія сбоку, равно какъ волокна наружнаго боковаго слоя и волокна болѣе глубокихъ остальныхъ двухъ слоевъ имѣютъ характерное свойство образовать петлю, но только *одиночную,* а не двойную какъ у Pettigrew'я. Два мышечныхъ пучка, которые выходятъ въ сторонѣ шейки пузыря и предстательной железы съ двухъ сторонъ, подымаются вверхъ, сходятся на передней поверхности (или на задней) и перекрещиваются; расходятся послѣ этого, направляясь на боковыя и заднюю (или переднюю) поверхность, гдѣ снова сходятся. Такъ образуется одиночная петля съ расхожденіемъ б. частію концовъ внизу—у шейки пузыря. Наблюдались случаи Pettigrew'я, — но какъ рѣдкое исключеніе.

Авторъ обратилъ вниманіе на спорный все еще вопросъ о *внутреннемъ сфинктерѣ* пузыря и высказывается въ пользу его присутствія. Но это есть sphincter въ смыслѣ анатомическомъ. Его тѣсная связь съ внутреннимъ слоемъ мышечнымъ указываетъ, что физіологически онъ *detrusor.*

Съ большимъ стараніемъ авторъ занялся вопросомъ о *capsula pelvio-prestatica* Retzii, или правильнѣй о *capsula prostatico-urethralis*. Изслѣдованія, которыя сдѣланы въ послѣднее 10-лѣтіе по фасціямъ таза и мышицамъ промежности, а также по фасціямъ промежности провѣрены авторомъ на препаратахъ. онъ и здѣсь не компелляторъ, а изслѣдователь самостоятельный.

Слабѣе другихъ обработанъ отдѣлъ о положеніи пузыря. Это объясняется, впрочемъ недостаткомъ замороженныхъ препаратовъ, что̀ отъ автора не зависѣло.

Трудъ свой авторъ начинаетъ съ изложенія сравнительно анатомическаго развитія мочеваго пузыря; говоритъ вкратцѣ о формѣ пузыря, его положеніи; приводитъ подробную литературу мышечной оболочки и пузыря вообще. Изложеніе свое дополняетъ рисунками. Вообще этотъ трудъ есть родъ краткой и въ тоже время довольно полной монографіи. Авторъ его заслуживаетъ награжденія *золотою медалью*.

16 Іюля 1880 года.

М. Чаусовъ.

Прозекторъ *Э. Пржевоскій.*

ОТЗЫВЪ

Профессора КРЫШКИ о диссертаціи студента 5-го курса медицинскаго факультета Краузе Людовика, подъ заглавіемъ: „О вліяніи салицилово-кислыхъ солей на организмъ" съ эпиграфомъ:

„Experientia est ars studendi."

Авторъ сказанной диссертаціи основалъ свой трудъ на литературныхъ источникахъ, на собственныхъ опытахъ и на клиническихъ наблюденіяхъ.

Ограничиваясь самыми удачными и убѣдительными опытами, авторъ привелъ ихъ только 23, относящіеся къ химическимъ процессамъ, 12 вивисекцій и 8 клиническихъ наблюденій,—всѣ съ подробными таблицами, наглядно представляющими ходъ производства этихъ опытовъ и наблюденій.

Вообще диссертація эта представляетъ самостоятельный трудъ, удовлетворяющій, въ смыслѣ предложенной факультетомъ задачи, всѣмъ научнымъ требованіямъ.

Изслѣдованіе вліянія салициловокислыхъ солей на организмъ, разумѣется употребляемыхъ или заслуживающихъ употребленія въ медицинской практикѣ, не можетъ обойтись безъ параллельнаго изслѣдованія самой кислоты, подходящей по дѣйствію своему къ карболовой кислотѣ, поэтому авторъ раціонально поступилъ совмѣстно занявшись: салициловой кислотою, трудно растворимой, въ водѣ легко растворимымъ салициловокислымъ натромъ и почти нерастворимымъ салициловокислымъ хининомъ.

Авторъ начинаетъ указаніемъ присутствія готовой салициловой кислоты въ природѣ (spirea ulmaria), образованіемъ ея изъ глюкозида салицина отъ дѣйствія различныхъ химическихъ реактивовъ, далѣе описываетъ прежніе (дорогіе) способы добыванія ея изъ салицилово-кислыхъ металоксидовъ и новый (дешевый) изъ карболовой кислоты. Потомъ описываетъ ея физическія и химическія свойства, какъ то растворимость въ водѣ, [которую нашелъ менѣе ($^1/_{600}$) предполагаемой ($^1/_{300}$),] свойства ея солей (натронной и хининной), реактивы (ferrum sesquichloratum), доказывающіе присутствіе ея даже въ органическихъ сокахъ (кровь, моча); затѣмъ приводитъ мнѣнія о состояніи ея въ крови (разложеніе ея солей отъ CO_2, соединенія кислоты съ бѣлкомъ и основаніями), скорость проявленія въ мочѣ и совершенное удаленіе изъ организма.

Такъ какъ салициловая кислота добывается изъ карболовой и снова превращается въ нее, и была даже предлагаема для замѣненія послѣдней, какъ противугнилостное и противоферментаціонное средство, то авторъ изслѣдовалъ вліяніе упомянутыхъ 3-хъ препаратовъ на *гніеніе*, на *переварываніе* мяса и на образованіе сахара изъ крохмала посредствомъ слюны.

На основаніи своихъ опытовъ онъ пришелъ къ слѣдующимъ результатамъ:

1) *гніеніе* мочи задерживаетъ сильнѣе кислота, менѣе натренная, а еще менѣе хининная соли.

2) *искусственное переваривание*, приготовленнаго изъ бычачьей крови фибрина, посредствомъ слизистой оболочки свиньяго желудка, сильнѣе задерживала натронная, менѣе сильно хининная соли а еще менѣе чистая кислота.

3) *образованіе сахара*, изъ приготовленнаго по *Nasse* крахмала съ собственною слюною, кислота ускоряла только при маломъ ея количествѣ, между тѣмъ какъ натронныя и хининныя соли ускоряли этотъ процессъ при всѣхъ пропорціяхъ.

Послѣдній результатъ принудилъ автора узнать, не вызываютъ-ли препараты сами собою востановленія мѣди или не обладаютъ-ли они сахарнотворнымъ свойствомъ, но путемъ опыта убѣдился, что салицилово-кислый натръ въ этомъ отношеніи остается индиферентнымъ.

Дальше слѣдуютъ клиническія наблюденія, причемъ избѣгая излишняго повторенія, изъ 20 наблюденій авторъ описалъ только 12 случаевъ, т. е. 5 Typhi abdominalis, 1 Typhi exanthematici, 2 Typhi recurrentis, 3 rheumatismi articularis и 1 Erysipelatis. Во всѣхъ этихъ случаяхъ исключительно употреблялся Natrum salicylicum съ обращеніемъ вниманія на температуру, пульсъ, дыханіе и на осложненія, какъ то шумъ въ ушахъ, ознобы, спячки, потъ. Такъ какъ эти наблюденія вѣроятно были сдѣланы подъ руководствомъ Проф. Лямбля, то я не нахожу необходимости распространяться объ ихъ достоинствѣ и ихъ практической пользѣ.

Диссертація окончивается вивисекціями съ цѣлью объясненія вліянія салициловой кислоты и салицилово-кислаго натра на *сердце*, его біеніе и силу давленія съ повѣркою атропиномъ, на *чувствительныя нервы* при помощи курорe, на *двигательные нервы* съ перевязкою артеріи и на *рефлексы* при перерѣзкѣ спиннаго мозга.

Опыты эти доказали, что въ сердцѣ парализуется преимущественно мускулятура, а дѣятельность чувствительныхъ и двидательныхъ нервовъ, а также и рефлектовъ понижается.

Въ заключеніе моего отчета, а долженъ сказать, что вообще авторъ означенной диссертаціи успѣлъ подробно познакомиться съ литературою, сдѣлать многочисленные и разносторонніе опыты и наблюденія, собрать ихъ въ научное цѣлое. За такое усердіе и рвеніе къ наукѣ предлагаю факультету наградить автора серебряною медалью.

А. Крышка.

Прозекторъ *Н. Аквилевъ*

Варшава, 4 Іюля 1880 г.